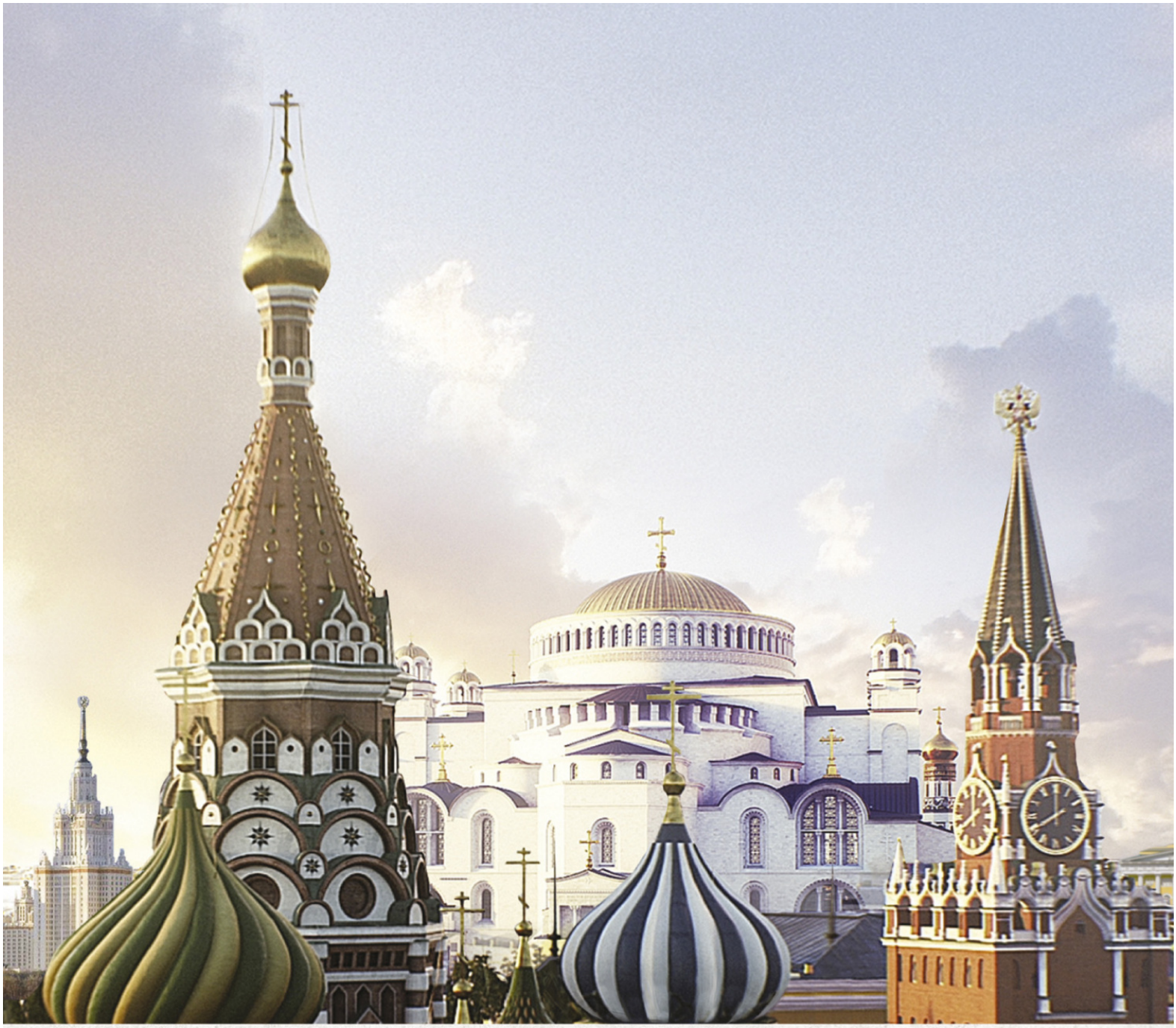


Константин Малофеев

ИМПЕРИЯ

Книга I

Империя Царьград

Константин Малофеев

Империя. Книга 1

«Издательство АСТ»

2022

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Малофеев К. В.

Империя. Книга 1 / К. В. Малофеев — «Издательство АСТ», 2022 — (Империя Царьград)

ISBN 978-5-17-139567-4

Что такое translatio imperii? Какую традицию унаследовала Российская Империя от Ассирии, Персии и Рима? Какова миссия России в мировой истории? Книга Константина Малофеева посвящена Империи, ее прошлому, настоящему и будущему. Автор исследует взаимодействие в мировой истории имперского начала, основанного на религиозно обоснованной власти, и начала торгово-финансового. Перед читателем разворачивается грандиозная историческая панорама – Ассирия и Вавилон, Греция и Персия, Рим и Карфаген и так вплоть до нашего времени – крушение Российской Империи, взлет и падение советского проекта, установление современного миропорядка и попытки противодействия ему. Великие завоеватели, пророки и святые, торговые корпорации и банкирские дома действуют на этих страницах. В первом томе рассматривается период зарождения Империи до падения Константинополя в 1453 году. Исследование, с одной стороны, базируется на лучших достижениях отечественной и мировой историографии, а с другой – предлагает оригинальные историософские идеи, десятилетиями разрабатывавшиеся автором. Книга будет интересна как специалистам-историкам, философам, политологам, экономистам, так и студентам и широкому кругу любителей истории. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-139567-4

© Малофеев К. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог 7
Глава I. Рождение империи 11
Империя как идеал 11
Цари Шумера и Аккада 13
Ассирия. Первая сверхдержава 25
Древний Египет 34
Враг Империи – Ханаан 42
Церковь Бога Всевышнего 48
Миссия Израиля 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Константин Малофеев
Империя. Книга первая

Моей дорогой семье.

© Малофеев К. В.
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Без помощи моих учителей, друзей и единомышленников, сделавших существенные и важные замечания и комментарии к этой книге, она бы никогда не появилась на свет. А без редакторов и помощников я бы писал ее еще много лет.

Я благодарю академика Сергея Карпова за важнейшие фактические замечания и исправления, академика Сергея Глазьева – за многолетнюю совместную работу и обстоятельнейшие комментарии, доктора исторических наук Дмитрия Володихина – за бесценную помощь в работе над первыми 13 главами книги, доктора экономических наук Валентина Катасонова – за содействие в подборе фактического материала к 16–18 главам.

Для меня большая честь отметить роль философа и единомышленника Александра Дугина, который выступил рецензентом историософского содержания книги, и моего литературного редактора публициста Егора Холмогорова, помощь которого в стилистической отделке текста спасла мой писательский дебют. И конечно, не могу не отметить моего бессменного помощника Максима Крючкова.

Я обязан также поблагодарить за конструктивную дружескую критику моих первых читателей – Игоря Щеголева, Михаила Лещенко и протоиерея Бориса Кривоногова.

И наконец, я хотел бы выразить признательность митрополиту Тихону (Шевкунову) за лестный отзыв и благословение.

Пролог

В 1815 году Российская Империя стала сверхдержавой и абсолютным лидером в Европе, а значит и во всем мире.

Россия победила Наполеона, который подчинил себе практически всю континентальную Европу. Россия освободила от революционных богоборческих полчищ цивилизованный мир и поэтому диктовала свои правила на Венском конгрессе победителей. Россия восстановила на французском престоле Бурбонов, а священники Русской Церкви отслужили пасхальную литургию на Place de la Concorde (Площадь Согласия), где за 21 год до того масоны-революционеры отрубили голову Людовику XVI.

Российская Империя на правах победителя могла диктовать правила устройства послевоенного мира так же, как после Второй мировой войны в 1945 году это делали Соединенные Штаты и Советский Союз – каждый в своей «сфере влияния». Однако Россия не пошла по такому пути потому, что Александр I уважал монархов Европы. Император полностью восстановил их в правах и вернул им потерянные престолы. Он даже не наложил на Францию и ее союзников никакой контрибуции.

Наполеоновская армия в 1812 году вела себя как орда дикарей, разоряя русскую землю: убивала, грабила, оскверняла церкви. Французы сожгли Москву, и в том пожаре погибло более 15 тысяч русских раненых: дома, где они находились, сознательно поджигались наполеоновскими солдатами. Русская армия в Париже в 1814 году не мстила за разграбление и сожжение Москвы. Комендант Парижа – видный государственный деятель граф Воронцов, впоследствии ставший губернатором Новороссии и построивший знаменитый дворец в Алупке, – полностью оплатил долги своих офицеров в парижских ресторанах, хотя вся Франция еще много лет могла бы расплачиваться за ущерб, нанесенный России Наполеоном. Но император Александр I простил французов: он различал народ и масонскую диктатуру, которая захватила власть над Францией в результате кровавой революции. Христианская Империя одолела богоборческую революцию.

Триумфальная победа вознесла Россию на недосягаемую высоту в международной политике. На протяжении нескольких десятилетий Российская Империя играла роль гегемона Европы.

Но русское общество, включая передовых мыслителей, оказалось не готово к бремени первой державы мира, бремени Империи, по праву определяющей картину жизни на огромных пространствах. Ею было повержено войско, которое несло на своих знаменах идеи масонов и вольтерьянцев – «свободу, равенство, братство» (лозунг либералов со времен французской революции и до наших дней). Но за предшествующее столетие русское общество само успело сильно проникнуться этими идеями. Русские умы, следуя за европейскими мыслителями, сделались их эпигонами.

Начиная с Петра I, Россия стремилась лишь встать в один ряд с другими европейскими державами. Затем, при Екатерине II, Россия оказалась ведущей европейской державой, но именно европейской: в идеологическом отношении она была подчинена Европе, была ее органической частью. Русские дворяне говорили по-французски и верили в идеи европейского Просвещения XVIII века. Собственный православный русский народ был для них чужим.

Идеи масонов-просветителей неизбежно вели Запад к грандиозной катастрофе. И чудовище революции утопило в крови старую Европу. Во Франции и других странах жертвами нового масонского порядка стали сотни тысяч людей. Церкви была объявлена настоящая война – тысячи храмов и монастырей были разрушены. В школах воцарился атеизм.

Россия разгромила Наполеона, который считал, что русские крестьяне поддержат его как освободителя от крепостного рабства. Но русский народ не пожелал воли от Антихриста и

поднял за своего, говорящего по-французски царя, «дубину народной войны». Александр I, воспитанный швейцарским республиканцем Лагарпом, отозвался на эту искреннюю веру своих подданных. Он обратился к Богу, стал настоящим христианином и запретил масонство как рассадник революции.

Император Александр I даровал Европе мир, создав Священный союз, который скреплялся христианской идеей. Учреждение союза монархов, которые должны были удерживать Европу от новых революционных потрясений, сопровождалось декларацией важного принципа: «Три союзные государя почитают себя, яко поставленными от Провидения для укрепления тремя единаго семейства отраслями, а именно Австрией, Пруссией и Россией, исповедая, таким образом, что Самодержец народа христианскаго, коего они и их подданные составляют часть, не иной подлинно есть, как Тот, Кому собственно принадлежит держава, поелику в Нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости безконечныя, т. е. Бог, наш Божественный Спаситель, Иисус Христос» (из учредительного акта Священного союза). Русский царь понимал, что христианство есть та основа, на которой должен зиждиться будущий миропорядок.

Но в России отсутствовали свои Вольтеры, вернее свои анти-Вольтеры, которые могли бы выработать соответствующую новому статусу России политическую философию. Отечественные властители умов образованного общества – Новиков, Радищев, Чаадаев, – в сущности были лишь последователями европейских философов и не имели никакого дерзания к самобытности.

Появление славянофилов яркой вспышкой заполнило эту пустоту. Их коллективный ум привел русское общество XIX века к осознанию того, что единственное основание нашей самобытности и жизнестойкости есть вера православная. За столетие синодального правления Русская Церковь значительно ослабла: было упразднено патриаршество и созданы громоздкие бюрократические структуры, началось встраивание духовенства в государственную машину, были изданы указы, обязывающие священников раскрывать тайну исповеди. Но несмотря на все это именно Православная Церковь пронесла через насильственную европеизацию XVIII века идеалы Святой Руси.

Заглядывая в прошлое за порог петровских реформ, в дух и быт Московского царства, славянофилы увидели, в чем состоит забытая миссия нашей страны. Они осознали, что должна принести ставшая сверхдержавой Россия в новый постнаполеоновский мир Европы. Ее высшим предназначением было восстановить разрушенные основы всемирной христианской цивилизации: в экономике, политике, повседневном быту. То есть возродить идею Третьего Рима, наследника Вселенской Империи Нового Рима – Константинополя. Это означало необходимость последовательного отказа от идей европейского просвещения, противоречащих православию.

Но пока в России возрождалась православная политическая мысль, на другом конце Европы готовился совсем другой, либеральный и капиталистический, проект будущего мироустройства.

Вторым победителем Наполеона была Англия, где к тому времени уже зародился класс, властвующий и сегодня. После 1815 года Лондон стал бесспорным финансовым центром мира. Именно в Англии образовалось финансовое могущество Ротшильдов и олигархического капитализма вообще. У этого финансового капитала имелась своя миссия, продуманная со всей основательностью: окончательно сокрушить реликты христианской цивилизации и реализовать в мировом масштабе такое общественное устройство, где правящей силой являлись бы только деньги.

Мы, свидетели победившей потребительской цивилизации денег, знаем, к чему это привело. Мы можем описать эту цивилизацию досконально, во всех деталях, потому что мы в ней живем. А тогда она еще только создавалась.

Россия была единственной силой, способной противостоять так называемому «прогрессу», ключевой идеей которого стала жажда наживы. И Россия действительно весь XIX век сдерживала его. Это было время расцвета высокой русской усадебной культуры, время взлета литературы и искусства, когда творили Пушкин и Тютчев, Глинка и Чайковский. Тогда же сложилась, наконец, и самобытная русская философия.

Частично она была создана западниками и прогрессистами – мыслителями европейского типа, которые сформировались на русской почве. Западники держались того мнения, что петровские реформы повели страну в верном направлении и что Россия как ведущая европейская держава должна влиться в общеевропейский поток развития, употребив для этой цели все свои ресурсы и достижения. Они мыслили себя более европейцами, чем русскими. Из их среды позднее выйдут социалисты и революционеры.

Другая же часть русского философского наследия была создана славянофилами и консерваторами. Рождается блестящая плеяда мыслителей, осознавших необходимость для русского общества постичь собственные корни в религии, истории и политике, а затем, оттолкнувшись от полученного знания, озарить светом и указать новый путь всему человечеству. Об этом писали Аксаков, Хомяков, Данилевский, Леонтьев.

Они возвращали русское общество к духу Московского царства, государи которого мыслили себя прямыми наследниками константинопольских императоров со всеми их атрибутами, нравственными ориентирами и устремлениями. Цари московские видели в своей стране православную твердыню – Катехон, которая удерживает мир от погружения в беспросветное зло. Европейцы – католики и протестанты – выглядели в их глазах страшными вероотступниками, с которыми ни в коем случае нельзя смешиваться. Именно тогда получает широкое распространение идея о предназначении России – о Москве как о Третьем Риме. Впервые высказанная в конце XV века, эта идея была вновь востребована в середине века XIX, когда русское государство вернулось к поискам собственной всемирной миссии.

При всем блеске своей интеллектуальной деятельности, русские славянофилы и русские консерваторы не успели выработать полноценной концепции самобытной России, активно действующей на политической арене и полностью осознающей свои духовные основы и свою историческую миссию.

При Николае I эта работа только началась. Несколько дальше она продвинулась во времена Александра III и Николая II. Но было уже поздно, потому что общество оказалось глубоко инфицировано разрушительной западнической идеологией, отводившей России лишь роль подчиненного элемента глобальной интернациональной цивилизации капитала. Проторенная этой идеологией дорога довела страну до революции.

Важно понимать и помнить: именно потому, что во второй четверти XIX столетия, когда Петербург почти безраздельно вершил судьбы Европы, не была воссоздана идея о России как о самостоятельной, отличной от Запада и Востока, православной цивилизации, наша страна в итоге потерпела внешнеполитическое поражение и утратила статус единственной сверхдержавы.

Россия зашла слишком далеко, защищая интересы европейских государей ради сохранения мира и спокойствия. Она напрасно пыталась поместить себя в прокрустово ложе европейской политики. «Рыцарь на троне», император Николай I, мыслил себя хранителем мира по заветам незабвенного старшего брата – «освободителя Европы» императора Александра I. Европа не оценила его благородных устремлений и коварно предала Россию в Крымской войне.

Все это произошло из-за непонимания подлинных интересов самой России как цивилизации, принципиально отличной от Европы, как единственной Православной Империи на Земле. А заключались они в защите собственного народа и повсеместном утверждении истины Христовой.

Отсутствие идеи о духовных основах государства, о его роли в мире и его миссии, как можно убедиться на примере XIX века в России, привело к печальным последствиям. Поэтому нам, современным русским, вновь обретающим сегодня статус великой державы, необходимо вернуть саму идею о России. Идею о Третьем Риме, «ибо два Рима падоша… а четвертому не быти» (из послания старца Филофея дьяку Михаилу Григорьевичу Мунехину). О единственной Империи, которая существует от начала истории для того, чтобы не совершилась «тайна беззакония» (из 2-го послания апостола Павла к Солунянам). Именно в этой Империи, носившей два тысячелетия назад название Римской, родился Спаситель Мира Господь Бог Иисус Христос.

Этой Империи, ее прошлому, настоящему и будущему и посвящена наша книга.

Глава I. Рождение империи

Империя как идеал

Империя была всегда.

На протяжении истории она жила в душах и умах людей как идея: дарованный свыше, но изначально сокрытый образец идеальной организации государства.

Идея Империи раскрывалась постепенно. Ее претворение в историческую реальность потребовало тысячелетий государственного строительства, проб и ошибок, триумфов и отступлений. Протоимперии существовали еще в Месопотамии шумеро-аккадских времен. Начиная с великой Ассирийской державы идея Империи раскрывается во всей полноте как уникальный государственный путь долговременного существования разных народов, со своими политическими и культурными традициями.

На протяжении тысячелетий имперские государства рождались, росли, старели, гибли. Но правильным будет воспринимать их как одну и ту же Империю – то цветущую, то затухающую, то вновь возрождающуюся. Исторически происходила передача престола не от одного государства к другому, а внутри одной и той же Империи, стремящейся к всемирности. Иногда ей подражали, но копии никогда не отличались жизнеспособностью. Настоящая Империя, какой бы момент истории мы ни рассматривали, была только одна. Ее корона и титул передавались по наследству или завоевывались, но завоеватель всегда объявлял себя легитимным наследником престола все той же единственной Империи. История Империи – это история передачи одной и той же священной короны на одном и том же престоле. Престол и корона всегда принадлежали единственному законному императору.

Со времен древнейшего царства Саргона Аккадского до державы Александра Македонского имперская столица в течение двух тысяч лет находилась в Месопотамии, колыбели человечества. Дольше всех остальных городов столицей Империи был Вавилон – величайший мегаполис Древнего мира. После раздела наследства Александра Великого между его генералами, древняя, или ветхая, Империя завершила свое существование в Антиохии, столице царства Селевкидов, потомков генерала Селевка. Роль всемирного государства унаследовал Рим. Корону Антиоха с триумфом доставили в Рим, а спустя несколько столетий Диоклетиан до мелочей скопировал придворный церемониал древней Империи времен персидской династии Ахеменидов. Такой перенос имперского начала позднее будет назван translatio imperii (лат. «переход верховной власти»).

Рим построил Империю, высокоразвитую в политическом, правовом и военном отношении. Долговечность ее поразительна: народы, жившие на ее территории, в большинстве своем не пытались ее разрушить.

Единственность и уникальность Империи стала за время римского владычества аксиомой для всех обитателей ойкумены. Именно поэтому Одоакр отослал императорские инсигнии в Константинополь. По той же причине Карл Великий упорно добивался признания захваченного им титула ромейскими василевсами и даже планировал брак с императрицей Ириной.

Когда огромное тело Римской Империи было одухотворено христианским вероучением и обрело душу в лице Церкви Христовой, возникла, наконец, истинная Империя. Она существовала на протяжении всего Средневековья в цветущем состоянии, показывая необыкновенную жизнеспособность. Только когда Константинополь изменил православию, поставив политические интересы выше духовных, Империя Нового Рима пала.

Последним независимым православным государством в тогдашнем мире оставалось Московское царство. Так Москва стала последним, Третьим Римом, «ибо два Рима падоша… а

четвертому не быти». В 1547 году Иван Грозный венчался на царство по образцу императоров Константинополя. А в 1721 году Петр I провозгласил Россию Империей.

Империя, в сущности, такое устройство общества, в котором человек проявляет лучшее, что в нем есть. Империя – государство, в нравственном смысле основанное на долге и чести, высокой культуре и служении, которое стоит выше материальной выгоды. Идея служения не за страх, а за совесть является моральным стержнем подлинно имперского государства. Это государство дарует мир, закон и порядок всем живущим в нем народам, не дает сильным угнетать слабых, так как все они являются подданными одного царя, который для всех отец. Истинная Империя всегда является защитником Церкви Бога Единого. В рамках Империи невозможно построить «рай на земле», как и в рамках любой другой формы государственного строя, но она не позволяет преисподней прорваться на землю. Поэтому апостол Павел называл Империю Катехоном – «удерживающим мир от зла».

Империя – освоитель новых, порой слабо заселенных или же совсем не заселенных земель, великий строитель и цивилизатор. Аристотель был первым, кто раскрыл цивилизаторскую миссию Империи. Его ученик Александр Македонский вел с собой в походе на Восток греческих философов, которые изучали религии и культуры народов, населявших Персидское царство, с тем чтобы создать единую синкретическую культуру для Империи Александра. Эта культура получила название «эллинизм». От Атлантики до Средней Азии и границ Индии утвердился эллинский тип города. Эллинская речь, образование и наука стали образцом цивилизации.

Империю должен возглавлять император – монарх, в древности именовавшийся царем. Сущность царской власти в том виде, в каком она была дана древнему Израилю, – вести народ по путям, которые указывает Бог. Власть монарха имеет небесное происхождение, поэтому приличествует склоняться перед ней. Личность государя – земная, но власть его – от Бога.

Монархия не совершенна. Но если у народа нет царя, то скоро он отказывается и от Бога. Это закон истории.

Цари Шумера и Аккада

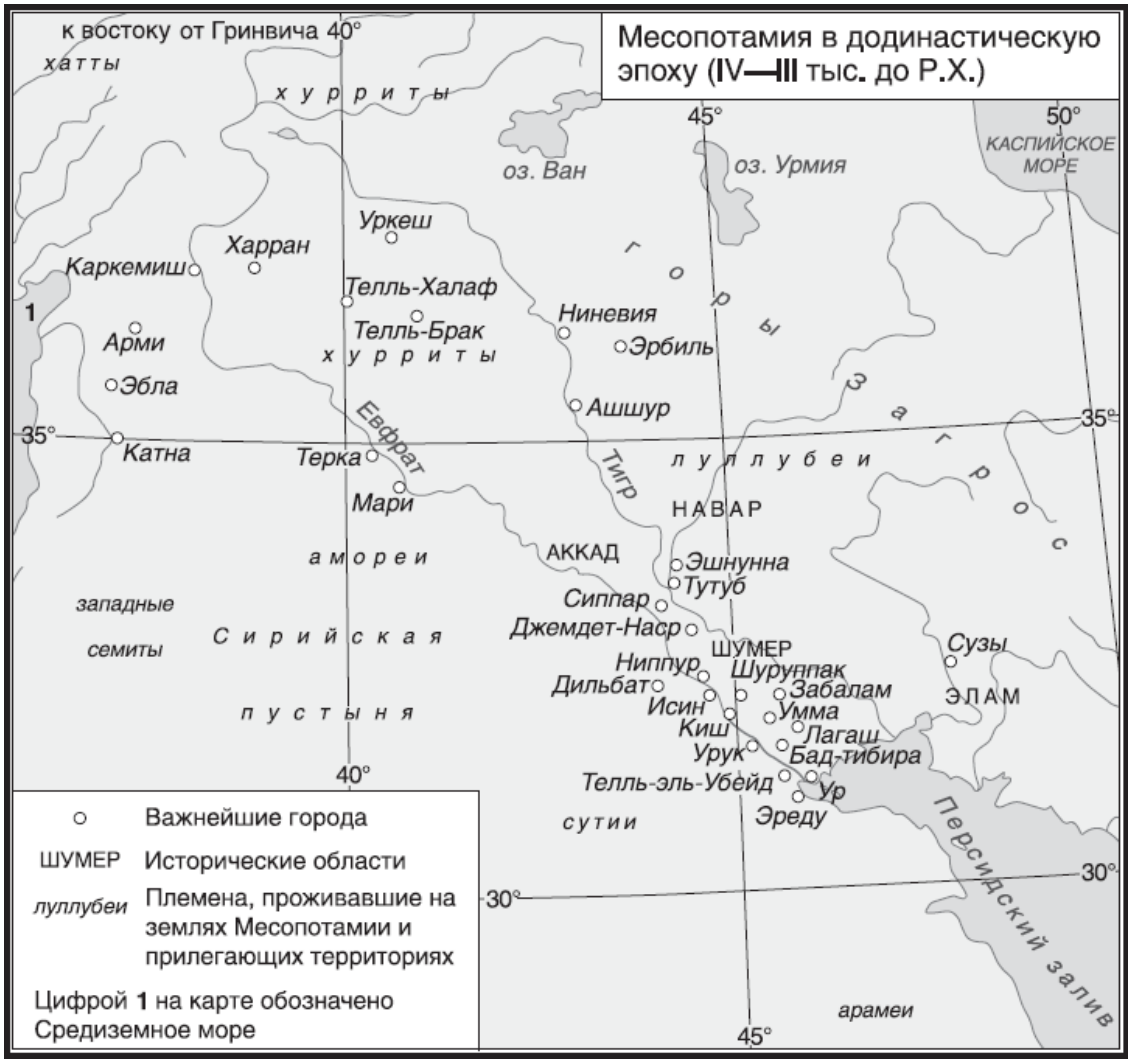
В эту книгу заложен принцип почтительного отношения к истории мира, как она изложена в Библии – единственной книге, которая не только служит источником вероучения, но и рисует общую картину истории и мировоззрения народов Древнего Востока. Найденные за последние столетия археологами глиняные таблички с коммерческими договорами и дипломатической перепиской, царские надписи на стелах и скалах, тексты гробниц и пирамид, существенно расширяют наши знания исторических деталей, но все это проясняет лишь частности. Общая же картина человеческой истории, дошедшая до нас от древности – одна, и она содержится в Библии.

Десятая глава Книги Бытия в Ветхом Завете сообщает, что изначально человечество было единой семьей, но затем, после Потопа, разделилось. От трех сыновей праотца Ноя – Сима, Хама и Иафета – произошло три семьи народов, занявших три части света. Хамитам, то есть потомству Хама, достались Африка, Южная Аравия и сопредельные земли Ханаана. Народам, восходящим к Иафету, – Малая Азия, Греция, Иран, а также области, составляющие Европу и коренную Россию. А семиты, потомки Сима, расселились на большей части Месопотамии и Аравии.

Истинной жемчужиной во владениях семитов являлась Месопотамия. Первые на земле государства появились именно там, в междуречье Тигра и Евфрата. Две реки, разливаясь весной, удобряли почву и делали ее столь плодородной, что можно было собирать несколько урожаев в год. Юг Месопотамии настолько изобиловал хлебом, что его жители могли приобретать в обмен от соседей все что угодно; там возникали настоящие мегаполисы с населением 50–100 тысяч жителей.

Самым древним из известных нам народов Междуречья, который оставил достоверное письменное наследие, были шумеры. Самоназвание шумеров – «санг гиг-га» (то есть «черноголовые»). Свою землю, Нижнюю Месопотамию, они именовали «Ки эн-ги» – «земля благородных владык». Во второй половине IV – середине III тысячелетий до Р.Х. трудами шумеров Месопотамия поднимается необыкновенно высоко в культурном отношении.

Шумеры строили города из сырцового кирпича и умели вести масштабные ирригационные работы: отводили воду из тех мест, где ее оказывалось избыточно много, искусственно орошали те земли, где ее недоставало. Уже к III тысячелетию до Р.Х. Шумер оказался разделен на обладавшие собственными каналами города, каждый из которых представлял из себя микрогосударство. Шумерский город имел сельскую округу, его жители сообща владели продовольственными амбарами и в случае вооруженных конфликтов выставляли войско-ополчение. При этом каждый шумерский город считался домохозяйством того или иного божества. Впервые в истории появляется письменность, выросшая из необходимости учета и контроля продукции храмовых хозяйств. Крупнейшими городами Шумера были Эреду, Ур, Урук, Киш, Лагаш, Умма, Ларса, Иссин и священный город Ниппур.



Поначалу города возглавлялись выборными градоначальниками – «энси», которые выступали в роли жрецов и были подотчетны хозяину города – тому или иному божеству. Затем начала укрепляться власть воевод, которых именовали «лугаль» («большой человек»). Постепенно в это понятие шумеры начали вкладывать тот же смысл, который их северные соседи-семиты вкладывали в свое слово «шарру» – «царь».

По словам историка А. Немировского, царя шумерской эпохи «можно описать как уполномоченного, ответственного перед богами и своим народом за ряд ключевых аспектов связи между ними… в глубокой древности, по мнению месопотамцев, связи богов и человеческих сообществ поддерживались без посредничества царя. Лишь позднее боги изобрели саму „царственность”, институт царской власти (шумерск. „нам-лугаль”), сочтя ее инструментом наиболее эффективного осуществления этих связей, и она „спустилась с небес”; тем самым боги упрощали и централизовали механизм своего взаимодействия с людьми, концентрируя его отныне вокруг фигуры царя, и снабжали людей наилучшим средством обеспечения социального порядка, поддержания культа и храмового строительства… Сакрализовывался лишь статус правителя, его „царственность”, но не его личность. „Царственность” была создана богами как нечто независимое от людей, вручалась ими царю как особый дар и могла быть в любой момент у него изъята, все время оставаясь самостоятельным объектом, отдельным от его лич-

ности. Между тем все уникальные возможности царя связывались именно с его „царственностью", а не с ним самим»[1].

В царских надписях Шумера и Аккада боги заботятся о «благополучии моей царственности», враги боятся «блеска моей царственности», покоренные «обнимают подножие моей царственности». Свойства власти приписываются не самому правителю, а его «царственности», которая существует в некотором смысле отдельно от правителя. Жезл и венец – инсигнии правителя – помещаются на престол как особые существа. Царственность становится здесь зримой и объективированной отдельно от царя. Если город проигрывал войну и «поражался оружием», то царственность переходила от него к победителю.

Иначе жили и понимали царскую власть семиты, обитавшие в Средней и Верхней Месопотамии. Там тоже развивались города и письменность, но сельское хозяйство базировалось на естественном орошении, важную роль играло пастушеское скотоводство. Семитские племена жили как большие патриархальные семьи во главе с царем – шарру, имевшим отеческую власть над сородичами. Семиты были повелителями не тесных городов, то и дело враждовавших друг с другом, а обширных степных просторов, которые естественным образом внушали своим владыкам идею единства на небе и на земле.

Таким образом, древнейший вариант царской власти напоминал власть отца в семье у семитов или воеводы – в общине у шумеров.

Считалось, что древнейшим государством, своего рода протоимперией в семитской Месопотамии был город Киш, власть которого простиралась и на шумерские города. «После того как потоп смыл страну и царственность была вновь ниспослана с небес, Киш стал местом престола», – говорилось в «Шумерском царском списке». Позднейшие владыки Междуречья охотно принимали титул «царь Киша», что понималось как «царь множеств», или «царь вселенной».

Однако пришло время, когда шумерские города не захотели подчиняться владыкам Киша и отложились от него. Они вели между собой войны, грабили друг друга, захватывая земли и каналы, но не стремились удержать их. То один из них, то другой относительно ненадолго возвышался, после чего неизбежно следовало падение. Таким образом, сколько-нибудь крупной державы у шумеров не сложилось. Объединения городов быстро рассыпались, их единство имело непрочный и временный характер. Важнейшим сплачивающим шумеров фактором было почитание священного города Ниппура, где почитался верховный бог Энлиль – «господин ветра».

Лишь в XXIV веке до Р.Х. шумеры попытались поставить над собой общего владыку – правителя Уммы и Урука Лугальзагеси, провозгласив его «царем страны». Он был сыном чародея, разгромил Киш и Лагаш и сжег их храмы, что было расценено многими как святотатство. По праву сильного Лугальзагеси контролировал 50 городов Шумера, но там продолжали сидеть местные правители.

Никаких признаков Империи в общественном строе шумеров отыскать невозможно. Однако созданная ими культура была оплодотворена имперским началом со стороны восточных семитов. Востоковед В. Емельянов отмечает, что именно афразийским правителям – семитам «в древности было свойственно стремление к унификации власти и политическому объединению страны, к обожествлению царя и жесткой иерархизации пантеона. Афразийское сознание любит единство непохожих феноменов, шумерское, напротив, предпочитает множество похожих и даже подобных друг другу вещей…»[2]. Историк А. Ковалев высказывает ту же

---

[1] Немировский А. А. Только человек, но не просто человек: сакрализация царя в древней Месопотамии / А. А. Немировский // Сакрализация власти в истории цивилизаций / Рос. акад. наук, Центр цивилизац. И регион. исслед.; [отв. ред. Л. А. Андреева, А. В. Коротаев]. – Ч. 1. – Москва: Ин-т Африки: Центр цивилизац. и регион. исслед., 2005. – (Серия «Цивилизационное измерение»; Т. 12.). – С. 82–139.

[2] Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры / В. В. Емельянов. – [2-е изд.]. – Санкт-Петербург: Азбука-классика:

мысль: «Концепция унитарного государства была чужда нижнемесопотамскому менталитету и с трудом усваивалась им… Грандиозная фигура восточносемитского властителя, чуждого шумерским „энси” и „лугалям” как этнически, так и идеологически, стоит у начала следующей эпохи в истории Месопотамии и всей Западной Азии – эпохи „империй” или „деспотий”»[3].

Выходец из восточносемитских народных низов, которому эпос приписывает чудесное происхождение, напоминающее историю Ромула и Рема, бывший когда-то виночерпием у царя Киша, а в будущем ставший известным под именем Шаруккин («Истинный царь»), возглавил сопротивление завоевателю Лугальзагеси. Он основал государство с центром в маленьком городе Аккаде, создал профессиональное войско из метких лучников и разгромил шумерские рати. Лугальзагеси был пленен и в оковах проведен через ворота храма Энлиля в знак того, что его царственность отнята и передана Шаррукину.

Сейчас мы называем этого владыку Саргон Древний, или Саргон Аккадский (2334–2279 гг. до Р.Х.[4]). Его правление изменило историю не только Междуречья, но и всего мира. На свет появилась первая Империя. А Саргон стал первым императором.

САРГОН АККАДСКИЙ
(2334–2279 гг. до Р.Х.)

Ведя своих воинов от победы к победе, Саргон подчинил себе все Междуречье и Элам (историческая область на юго-западе современного Ирана, традиционно враждовавшая с

Петербургское востоковедение, 2003. – 319 с. – (Мир Востока: МВ).

[3] Ковалев А. А. Месопотамия до Саргона Аккадского / А. А. Ковалев. – Москва: РГГУ, 2002. – 251 с.: ил. – (Orientalia: Тр. Ин-та вост. культур; Вып. 2).

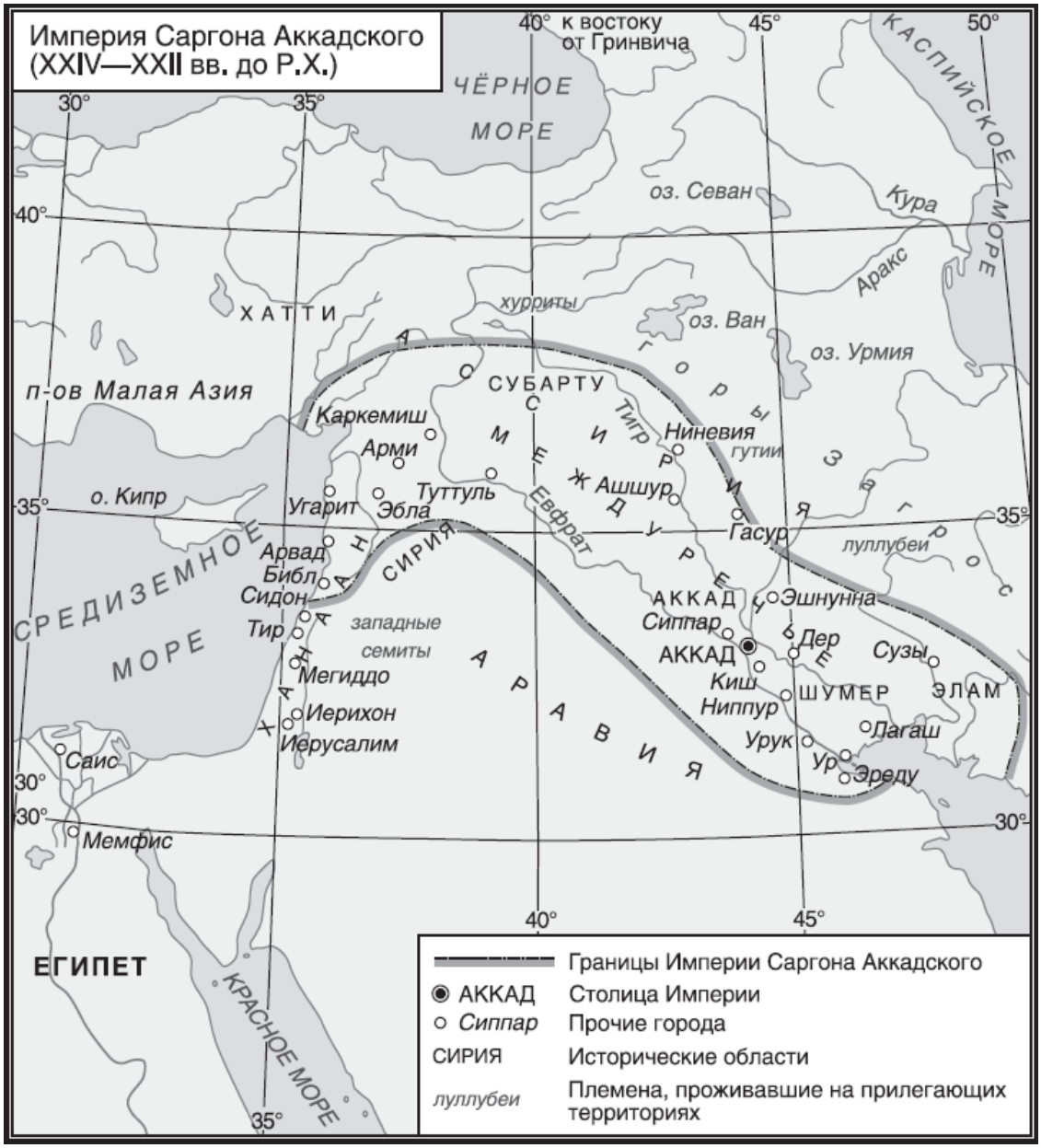
[4] Здесь и далее указаны годы правления.

Месопотамией), дошел до Ливанских гор и Малой Азии. В его руках объединились все земли «от верхнего моря до нижнего моря», то есть от Средиземного моря до Персидского залива.

Саргон завел постоянное войско. Воинов новой армии царь расселил вокруг Аккада. Снаряжением и продовольствием они полностью обеспечивались с государственных складов. В этой армии были генералы, офицеры, гарнизоны, топографическая служба, а возглавлял ее сам царь. Завоеванные города из независимых карликовых государств были обращены императором в составные части единой державы, а во главе их становились присланные из Аккада чиновники. Стены этих городов были срыты.

По словам историка И. Дьяконова, «победа Аккада для Месопотамии означала централизм, укрепление политического и экономического единства страны, рациональное использование ирригационных систем, подчинение храмовых хозяйств царскому хозяйству, уничтожение традиционной олигархии, связанной с местными общинами и храмами, и выдвижение на первый план новой знати из предводителей царского войска и царской бюрократии»[5].

[5] Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. – Москва: Изд-во вост. лит., 1959. – 300 с.



До сих пор власть в Шумере принадлежала жрецам и древним родам городской аристократии. Саргон в противовес им возвысил новых людей и сформировал первое в истории «служилое дворянство». Востоковед Г. Кругликова пишет: «Саргон избрал столицей государства не отягощенный аристократическими традициями, почти безвестный город Аккад, где сосредоточил в своих руках все нити управления… в Аккаде поселилась и несла службу новая неродовитая знать из близких, способных и преданных Саргону людей. Здесь же на положении то ли вельмож, то ли заложников проживала верхушка бывших правящих родов»[6]. Этот метод централизации власти монарха станет образцом на все последующие 4500 лет истории Империи.

Саргон объединил разные народы, города и культуры не для достижения временных политических целей, а для постоянной жизни в общем для всех в государстве. В Междуречье воцарился мир, его жители наконец смогли вздохнуть с облегчением после стольких лет

[6] Кругликова Г. И. Генезис древних цивилизаций Месопотамии и Египта: общее и особенное / Г. И. Кругликова. – 2008. – № 10. – С. 131–175.

внутренних и внешних войн. Одна из шумерских поэм той эпохи рисует следующую картину «имперского мира»:

Все чужеземные страны спокойны.
Все чужие народы довольны…
И в Шумер добро само лодками потекло[7].

(Пер. В. К. Афанасьевой)

Однако шумерские элиты, за столетия независимости превратившиеся в олигархические режимы, не желали сдаваться. Преемникам Саргона железом и кровью приходилось поддерживать единство построенной им державы. Но простому народу создание Империи принесло много выгод – ученые фиксируют значительный рост уровня жизни простых горожан в Аккадский период. Кроме того, идея единого государства становилась для подданных Саргона все более привычной.

НАРАМ-СУЭН
(2254–2218 гг. до Р.Х.)

Если первые государи Аккада носили несколько разноречивых титулов, утверждавших их власть над многими городами и областями, то внук Саргона, царь Нарам-Суэн (2254–2218 гг. до Р.Х.), заменил их все на один, весьма многозначительный в своем универсализме – «царь четырех сторон света».

[7] Антология шумерской поэзии. Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997.

Однако развитое и благополучное государство было новым явлением в тогдашнем мире и в условиях, когда его ресурс сопротивления внешним угрозам был еще весьма ограничен, служило объектом постоянной агрессии со стороны полчищ привлеченных богатством варваров. В начале XXII века до Р.Х. натиск горского племени гутиев разрушает Аккадское царство. Их иго удалось сбросить лишь восемьдесят лет спустя. Эта освободительная борьба против варваров сплотила шумеров и аккадцев, государство было возрождено.

Империю восстановили цари III династии Ура. Ур-Намму (2112–2094 гг. до Р.Х.) впервые провозгласил себя «царем Шумера и Аккада», а его преемник Шульги (2094–2046 гг. до Р.Х.) восстановил аккадский титул «царь четырех сторон света».

УР-НАММУ
(2112–2094 гг. до Р.Х.)

Имперская идея получила в Уре свое дальнейшее развитие. Именно тогда появилась первая версия «Шумерского царского списка», в котором представлен единодержавный взгляд на прошлое страны: менялось место престола, случались периоды смут, но царственность никуда из мира не уходила. «Представление о некоей „субстанции" или „сиянии", окружающей как божество, так и земных представителей власти, было широко распространено у самых разных народов мира; новым в данном случае является идея о непрерывной преемственности этой „субстанции" как вечно существующей»[8], – отмечает особенность этой идеологии И. Дьяконов.

[8] Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – Москва: Наука, 1990. – 246 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Государи нового Урского царства подчеркнуто следуют шумерским традициям в культуре, но государство создают на аккадский лад. Шумерский язык остается языком высокой культуры, но сами шумеры постепенно растворяются в семитском море.

ХАММУРАПИ
(1792–1750 гг. до Р.Х)

III династия Ура впервые централизует экономику Месопотамской Империи: внешняя торговля и кредит становятся государственной монополией, на провинции накладываются жесткие обязательства по поставке своей продукции, которая сосредотачивается в огромных имперских логистических центрах. Это важная новация также станет на века признаком настоящей Империи, так как государственное регулирование экономики является гарантией справедливого распределения богатства. Цари Ура создали безукоризненный чиновничий аппарат для контроля за соблюдением царских законов.

Впоследствии Месопотамия, несмотря на различные неурядицы и вторжения, всегда восстанавливалась как единое государство. Царство Саргона Древнего стало своего рода эталоном. После Ура, разгромленного врагами с восточных гор, эламитами и просочившимися в страну западными кочевниками-аморейями, столицей становится Вавилон.

Старовавилонская держава переживает наивысший подъем при царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до Р.Х), крупном дипломате и государственном деятеле, справедливом судье и целеустремленном строителе Империи. Он верил в свое призвание – вновь объединить Месопотамию, освободив ее от ига чужеземцев. Хаммурапи изгнал из Междуречья эламитов, объединил все шумерские и аккадские города, завоевал лежащее к северу от Вавилона царство Мари, подчинил своему влиянию северный город Ашшур.

Императорский титул, который принял Хаммурапи, подчеркивал его роль как объединителя: «царь, который привел к повиновению четыре стороны света». Если до этого политическая мысль шумеров исповедовала идею переноса царственности из города в город, то Хаммурапи вознамерился основать вечное царство и навсегда утвердить его в своей столице.

«Вавилон назвали его высоким именем, сделали его могучим среди частей света и утвердили в нем вечную царственность, основание которой прочно, как небеса и земля…» – так,

с утверждения вечной царственности Вавилона, начинались «Законы Хаммурапи». На целую тысячу лет город Вавилон становится для всех окружающих народов столицей мира.

Однако столичный статус оказался во многом формальным, так как вскоре после смерти справедливого царя Вавилон захватили очередные варвары – касситы – горцы, научившиеся у индоевропейских народов использовать боевые колесницы.

За столетие чужеземной власти страна внутренне переродилась. «Уцелевшие указы касситских царей показывают, что они были либеральными правителями…»[9] – с явным одобрением пишет британский ассириолог Генри Саггс. На деле этот «либерализм» касситов свидетельствовал о предельном упадке государства.

Цари на колесницах ощущали себя в Междуречье чужаками и в обмен на дань по сути уступили страну олигархическим элитам. Вавилон и ряд других городов превратились в самоуправляющиеся привилегированные и экстерриториальные по отношению к государству центры, освобожденные от налогов и повинностей.

Появляется легендарное вавилонское ростовщичество. «Ростовщичество пропитало все поры вавилонской деловой жизни, наложило на нее и на самих вавилонян неизгладимый отпечаток»[10], – отмечал ассириолог В. Белявский. По его оценке, именно в Вавилонии впервые появляется понятие «капитал»: «Они называли его „головой" (по-шумерски sag-du, по вавилонски – qaqqa-du). Наше слово „капитал" происходит от латинского caput, что тоже значит „голова"… Капиталом… называли сумму, даваемую взаймы или помещаемую в деловую операцию и приносящую прибыль»[11].

В Вавилоне, как отмечает археолог Эвелин Кленгель-Брандт, «богатство концентрировалось в руках немногих крупных предпринимателей, которые диктовали и заработную плату, и цены. Некоторые банкирские дома, переходившие по наследству от поколения к поколению, например „Эгиби и сыновья" в Вавилоне и „Мурашу и сыновья" в Ниппуре, играли весьма важную роль в хозяйственной жизни. Они не только ссужали деньги в кредит, не только покупали и продавали земельные участки, а также сельскохозяйственные продукты, но и затевали различные темные аферы и спекуляции. Представители дома Эгиби даже поставляли рабынь в публичные дома. Эти банкирские семьи, в которых браки заключались по расчету, все более разветвлялись и усиливали свою власть»[12].

Вавилон становится первым в истории банковским центром, где правит финансовая олигархия, где все продается и все покупается. В качестве мирового финансового центра его потом сменит ханаанский Тир на берегу Средиземного моря. Города прибрежного Ханаана в начале своей истории были портовыми филиалами вавилонских торговых компаний. Но после ассирийского завоевания Вавилон потеряет статус главного мирового финансового центра и олигархи переведут свои капиталы в «тихую гавань» Тира и других ханнанских городов. Тир, поверженный Александром Македонским, в свою очередь, передаст эстафету своей африканской колонии Карфагену. Карфаген станет властелином Запада, но будет стерт с лица земли римлянами после трех грандиозных Пунических войн, а ему на смену придет опять же ханаанская колония Аквилея на северо-востоке Италии. Разрушенная Аттилой Аквилея будет перенесена на новое место и станет называться Венецией, превратившись в главный торгово-ростовщический центр Средневековья. Открытие Америки отодвинет Венецию от глобальных торговых путей и выдвинет на первый план сперва Нидерланды, а затем Лондон, куда переедут все банкиры и торговцы «века просвещения». И, наконец, в XX веке Лондон также

---

[9] Саггс Г. Величие Вавилона: история древней цивилизации Междуречья / Генри Саггс; пер. с английского Л. А. Игоревского. – Москва: Центрполиграф, 2012. – 461 с., ил.

[10] Белявский В. А. Тайны Вавилона / В. А. Белявский. – Москва: Вече, 2001. – 349 с.: ил… – (Тайны древних цивилизаций).

[11] Белявский В. А. Тайны Вавилона / В. А. Белявский. – Москва: Вече, 2001. – 349 с.: ил… – (Тайны древних цивилизаций).

[12] Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон: пер. с немецкого / Э. Кленгель-Брандт. – Москва: Наука, 1979. – 259 с.: ил. – (По следам исчезнувших культур Востока).

уступит пальму финансового первенства своей бывшей колонии – США, Вавилону нашего времени – Нью-Йорку. Со времен Вавилона до эпохи возвышения Нью-Йорка в течение 4000 лет олигархи, жрецы «капитала», будут бороться с монархами, «божьими помазанниками», за власть. Империя Хаммурапи станет их первой, но не последней жертвой.

Разумеется, олигархия не хотела и не могла терпеть действительно сильного монарха – завоевателя, законодателя, судию, слугу Божия, а не сотрудника «сильных мира сего». Поэтому царская власть в Вавилонии была низведена до жалкого положения. «Вавилон не только не был восточной деспотией, но даже не был в полном смысле слова и монархией. Скорее он был аристократической республикой с ежегодно переизбираемым царем-магистратом» [13], – констатировал Белявский.

На Новый год в вавилонском храме бога Мардука Эсагиле проводился ритуал, смысл которого состоял именно в том, чтобы максимально унизить достоинство монарха в глазах общины Вавилона, голосом которой были олигархи. Царь отдавал жрецу все царские одежды и инсигнии, становился на колени и приносил клятву, в которой сообщал, что не совершил ничего плохого перед автономной вавилонской общиной, то есть олигархией. Весьма показательно, что о самом боге Мардуке в этой клятве речи не шло. Жрец давал царю несколько пощечин, а затем тянул за уши. Для того чтобы поругание царской чести было более эффектным, было придумано представление о том, что если глаза царя во время ритуала наполняются слезами, то это угодно Мардуку. Поэтому жрецы тянули царские уши на совесть.

Вавилон был пропитан духом торговли. На его улицах творилось настоящее столпотворение: звучала разноплеменная речь, покупалось и продавалось все – от зерна и меди до рабов и девичьей чести. Вавилонские дельцы были уверены в том, что богатство дает им право попирать и волю царей, и другие народы. Они ловко спекулировали славой великого города и его сакральным значением для Месопотамии, установившимся при справедливом Хаммурапи.

Однако принцип имперского мироустройства теперь никем в Месопотамии не оспаривался. И на смену деградировавшему Вавилонскому царству пришла Ассирия, ставшая самой могущественной Империей в истории древнего Востока.

[13] Белявский В. А. Тайны Вавилона / В. А. Белявский. – Москва: Вече, 2001. – 349 с.: ил… – (Тайны древних цивилизаций).

Ассирия. Первая сверхдержава

«Ассирия была первой в истории действительно универсальной монархией, покоившейся на военном начале и объединившей в конце концов… весь древневосточный мир с его культурными очагами: Вавилоном и Египтом»[14], – подчеркивает востоковед Б. Тураев. В отличие от предшествовавших государств-носителей имперской традиции, которые угасали в течение одного-двух столетий, Ассирия удержалась в статусе сверхдержавы 700 лет, хотя не раз переживала трудные времена.

Ассирийская Империя выросла из незначительного, но весьма древнего города Ашшур в Северной Месопотамии. Он был северным провинциальным городом в Империи Шумера и Аккада еще при Саргоне. На политику Ашшур долгое время не оказывал заметного влияния, однако его роль в транснациональной торговле была очень важна, так как город контролировал переправы через реку Тигр. Ассирийцы создали первый вариант Великого шелкового пути: торговые маршруты вели с востока – Ирана и Афганистана, богатых самоцветами и оловом, на запад – в Сирию и Малую Азию, богатые медью и железом. Ассирийцы торговали повсюду – от Балкан до Индии.

Купцы были главными людьми в Ашшуре. Правители даже не смели называть себя царями (они носили титул «ишшиакум», соответствующий обычному выборному градоначальнику), а для внешних договоров использовался термин «алум Ашшур» (народ Ашшура). Однако путь Ассирии оказался обратным тому, какой проделал Вавилон. В Вавилоне произошла деградация от империи к торгово-банковской олигархии, здесь же из торгового города Ашшура выросло блистательное царство Ассирии.

Монархи Ашшура усилились в XIV–XIII веках благодаря войнам за имперское наследие Вавилона. Когда оставшееся от Хаммураппи царство было захвачено касситами, Ашшур стал претендовать на имперский трон, так как его цари происходили из старой аккадской знати, в то время как в Вавилоне и других древних городах воцарились чужеземцы.

К концу XIII века царь Тукульти-Нинурта (1244–1208 гг. до Р.Х.) завоевал Вавилон. Царь касситов Каштилиаш был в цепях уведен в Ашшур. Туда же был вывезен и идол главного бога Вавилона Мардука.

Победоносный Тукульти-Нинурта принял императорский титул: «Царь вселенной, царь страны Ашшур, царь четырех сторон [света], божественное Солнце всех людей, царь могучий, царь страны Кардуниаш [Вавилонии – *К. М.*], царь страны Шумера и Аккада, царь Верхнего [Средиземного – *К. М.*] и Нижнего [Персидского залива – *К. М.*] морей, царь обширных гор и равнин, царь страны Шубари, [страны] Кути и царь всех стран Наири, царь, кому боги помогли добиться его желанных побед и кто пасет четыре стороны [света] своим страшным могуществом»[15].

Для увековечивания своего императорского статуса царь решил построить новый город в трех километрах севернее Ашшура по реке Тигр и назвать его Кар-Тукульти-Нинурта («Порт Тукульти-Нинурты»). В новом парадном городе были построены грандиозный храм и дворец. В храм был перенесен идол главного бога Ашшура, а во дворце поселился царь. Был введен императорский церемониал по образцу вавилонского. Однако ашшурская олигархия не простила столь дерзкого вызова. Тукульти-Нинурта, первый ассирийский император, стал жерт-

[14] Тураев Б. А. История Древнего Востока / Б. А. Тураев; под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. – [Ленинград]: Социально-экономическое издательство, Ленинградское отделение, 1935. – 2 т.

[15] История Древнего Востока: тексты и документы: учебное пособие / под ред. В. И. Кузищина. – Москва: Высшая школа, 2002. – 719 с.

вой придворного заговора, он был объявлен сумасшедшим, а затем низложен и убит. Его город был заброшен.

Торжество олигархов привело к упадку Ассирии. Ашшур вернул статую Мардука обратно в Вавилон. Олигархи обоих городов действовали, как правило, заодно, сопротивляясь попыткам монархов ограничивать их привилегии и доходы. Все семь столетий существования Ассирии эта схватка военной империи и торгово-ростовщической олигархии не прекратится.

Лишь через триста лет, в IX веке до Р. Х., потомки Тукульти-Нинурты цари Адад-Нирари II и его сын Тукульти-Нинурта II вернули Ашшуру имперское величие. Следующий царь Ашшурнацирапал II покорил города Сирии и Ханаана и, пойдя по стопам великого предка, перенес имперскую столицу в город Кальху. В убранстве его дворцов впервые во всей полноте раскрылась самобытность ассирийского имперского искусства: мускулистые тела царей и закованных в броню воинов, погони за побежденными врагами, схватки с дикими зверьми на охоте, бег колесниц, штурмы городов и изумляющие по сей день пятиногие крылатые быки-шеду, создающие иллюзию движения.

Все свои завоевания ассирийцы осмысляли в рамках концепции священной войны, в которой царь понимался как инструмент божества. «Движущей силой экспансии стало стремление бога Ашшура главенствовать над остальными божествами; средством – военная организация, обладающая дотоле неизвестной мощью. Ассирийские войска несли к самым отдаленным границам мира того времени оружие бога Ашшура. Ассирийцы бились в его войнах. Именно Ашшуру отчитывались по завершении кампаний»[16], – отмечает датский ассириолог Йорген Лессёэ.

Ассирия вступила в свой золотой век. Ее армия стала непобедимой благодаря первой в мировой истории кавалерии и новому железному оружию, пришедшему на смену бронзе.

До ассирийцев лошади использовались только запряженными в колесницах, на которых потомки Иафета арийцы ворвались в мир Древнего Востока в XIV веке до Р.Х. Благодаря этим танкам древности арийцы основали в густонаселенном Междуречье царство Митанни, завоевали покрытое горами обширное нагорье к востоку от Ашшура и Элама, которое назвали своим именем Ариан (современный Иран), и, наконец, покорили дравидов Индии. Железо же стало известно Древнему миру благодаря «народам моря», которые прошлись вихрем по прибрежным государствам Древнего Востока после Троянской войны (среди этих народов видную роль играли греки-ахейцы).

Когда экспансия арийцев и народов моря угасла, их наследие – лошади и железо – стало достоянием всех развитых держав той эпохи. Но именно Ассирия смогла создать армию нового типа, используя самую передовую тактику и технику.

Еще одним новшеством наряду с использованием кавалерии и железного оружия стало изменение самого характера вооруженных сил: ассирийское войско стало первой профессиональной армией. Солдаты стали получать за свою службу регулярное жалование, а не только часть военной добычи, как было прежде. Они не обрабатывали землю и не занимались хозяйством, целиком посвящая себя военному делу. Боевая выучка таких профессионалов поднялась на недосягаемую высоту по сравнению с иррегулярными войсками других стран. Впервые в армии появились отдельные отряды военных инженеров. Их задачей стало строительство коммуникаций и сооружение осадных машин.

Наконец, ошеломляющим успехам ассирийской армии способствовала поставленная на высочайший уровень разведка. Спецслужбы возглавлял, как правило, лично наследник престола. Ассирийские агенты собирали сведения, сеяли смуту в тылах врага, проводили тайные операции по устранению вражеских правителей.

---

[16] Лессеэ Й. Древние ассирийцы: покорители народов / Йорген Лессеэ; [пер. с анг Л. А. Б. Давыдовой]. – Москва: Центрполиграф, 2012. – 253 с.

Безусловное военное превосходство ассирийцев сделало их жестокими завоевателями. Привыкшие к победам, они карали за неповиновение. Непокорные народы и города нередко истреблялись целиком. Такая политика нередко приводила к восстаниям.

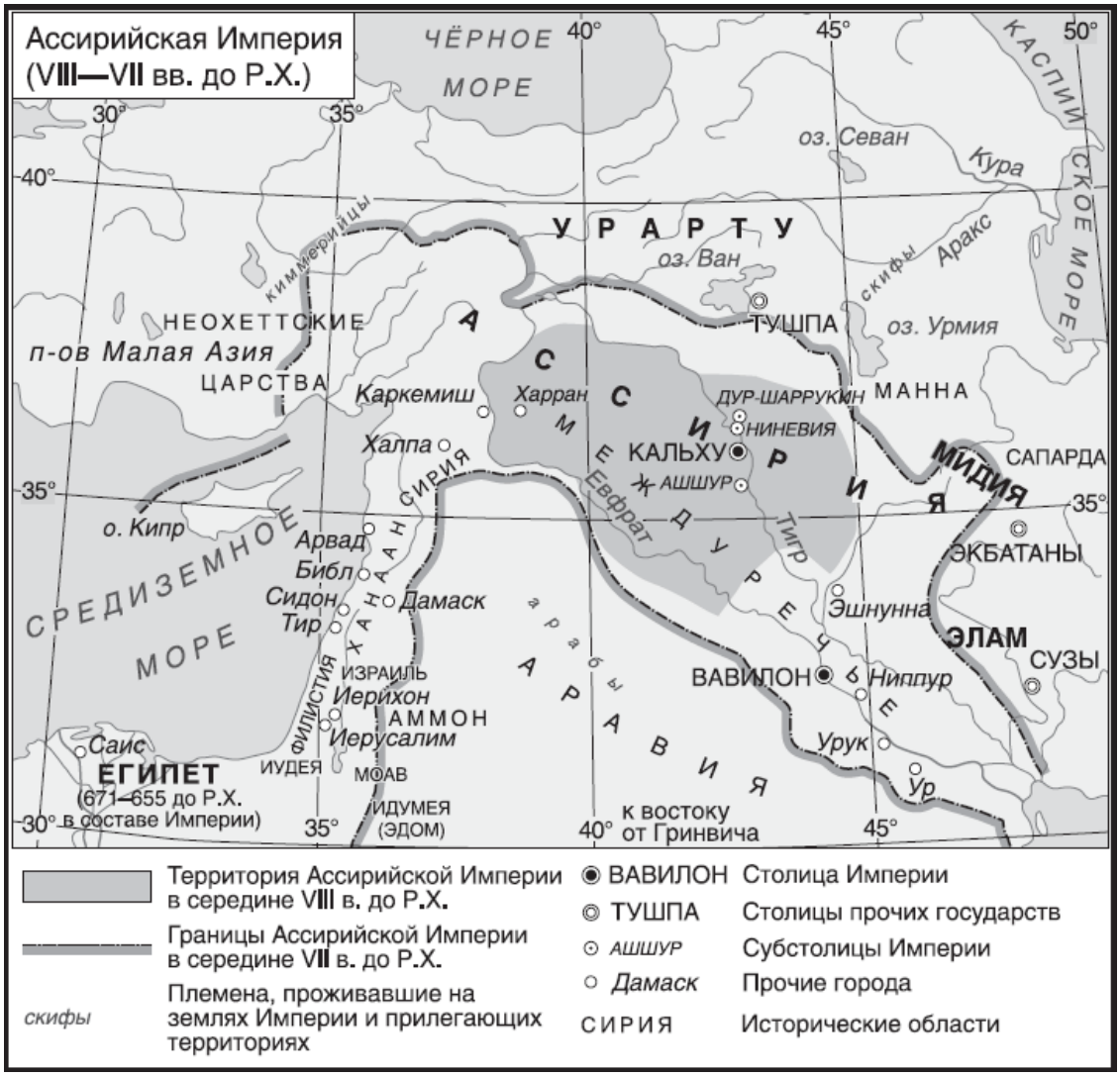
Но Империя никогда не может строиться только на насилии. Народы, входящие в ее состав, рано или поздно осознают преимущества мирной жизни в безопасных границах огромного государства под властью закона. Поэтому, пока ассирийцы пытались править с помощью одной лишь жестокости, Империя содрогалась от гражданских войн, несмотря на свои богатства и военную мощь. Назревала необходимость в реформе имперского строительства.

С этим историческим вызовом сумел блестяще справиться выдающийся царь Тиглатпаласар III (745–727 гг. до Р.Х.). Он взошел на престол после того, как прежняя династия пришла в упадок в результате смуты, вызванной ожесточенной борьбой между двумя «партиями» ассирийской знати. Старая, олигархическая знать хотела продолжения жесткой эксплуатации провинций в целях собственного обогащения. Новая, военная аристократия призывала к поддержанию мира на покоренных территориях, так как политика разграбления приводила к ожесточению и объединению врагов Ассирийской Империи, угрожая самому существованию государства. Тиглатпаласар полностью реализовал программу «военной партии».

ТИГЛАТПАЛАСАР III
(745–727 гг. до Р.Х.)

Империя была умиротворена путем глубокой централизации власти. Управление покоренными городами теперь осуществляли не местные цари, а назначаемые из столицы имперские наместники. Ранее подчинение правителя страны автоматически расценивалось как подчинение его подданных. Однако к началу I тысячелетия до Р.Х. мир Древнего Востока успел пережить нашествия гутиев, амореев, хурритов, арийцев, народов моря, касситов и арамеев, кочевников и горцев, варваров с пращами и древних «конкистадоров» с «абсолютным» оружием. После каждого из этих нашествий в завоеванных городах воцарялись новые династии из числа пришельцев. И столь частая смена правящих домов лишала эти династии легитимности в глазах собственных подданных: не раз и не два случалось так, что народ изменял своим князьям, а, стало быть, и принесенная этими правителями клятва верности оказывалась ничтожной.

Вместо обложения покоренных стран данью, которая переставала выплачиваться при первом же кризисе, Тиглатпаласар III начал практиковать в отношении покоренных народов «причисление к людям Ассирии». Империя стала назначать в покоренные царства своих наместников, имперских чиновников – ассирийцев, а сами царства дробить и превращать в провинции. Если народ бунтовал, то ассирийцы подавляли бунт, но мятежников теперь не истребляли. Вместо былого вырезания под корень начала применяться политика «нацаху» – вырывание с корнем. Мятежный народ просто депортировался в другой конец Империи.



Переселенцам разрешалось брать с собой движимое имущество, а на новом месте имперские чиновники помогали им обзавестись хозяйством. Со временем они принимали культуру метрополии и становились полноправными подданными царей Ашшура, забывая таким образом о своих корнях. Целью этой реформы было сделать Империю более однородной: унифицировать пестрый этнический ландшафт таким образом, чтобы различия между ее составными частями носили теперь сугубо географический характер.

Империя Тиглатпаласара III достигла невиданных до того размеров. В ее состав входила вся Месопотамия вплоть до отдаленных северных областей, Сирия, Израиль, Ханаан, часть Малой Азии. Позднее частью Ассирии будут также Северная Аравия, Кипр, Элам и даже далекий Египет. Ассирия становится первой сверхдержавой в истории человечества.

САРГОН II
(722–705 гг. до Р.Х.)

Древняя Вавилония, долгое время боровшаяся за свою независимость, подчинилась новым владыкам. Тиглатпаласар III на вершине своего могущества короновался в Вавилоне. Ассириолог В. Якобсон подчеркивает: «Когда ассирийцы завоевали Вавилонию, они не превратили ее в провинцию, как поступали в других случаях. Вместо этого ассирийские цари короновались вавилонской короной»[17]. Однако признание автономии олигархического города банкиров создавало для ассирийских царей крайне опасную ситуацию.

[17] Якобсон В. А. Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии / В. Ф. Якобсон // Государство на

Вавилон был ростовщической столицей и мировым финансовым центром, в то время как ассирийская знать была проникнута идеей служения. Ассирийские военачальники, чиновники и вельможи были помещиками, полностью зависевшими от расположения и наград царя. Все они были связаны священной присягой монарху, включавшей обязательство доносить о заговоре, мятеже и злоупотреблениях.

Вавилонская олигархия и Ассирийская Империя отличались и принципиально разным отношением к ростовщичеству. В Ассирии, на землях, контролируемых царем, ростовщичество было по сути искоренено. «Заклад личности в обеспечение ссуды теперь, в отличие от предшествующего периода, практикуется весьма редко. В имеющихся текстах не удается также обнаружить крупных ростовщиков, подобных поздневавилонским»[18], – отмечает В. Якобсон.

Сын Тиглатпаласара III, Салманасар V (727–722 гг. до Р.Х.) отменил налоговые льготы Вавилона, Ашшура и Сиппара, стремясь более глубоко интегрировать эти олигархические центры в состав государства. Ответом стал мятеж еще одного торгово-олигархического центра, Тира, средоточия «ханаанского нечестия» и служения Ваалу. Тир отложился от Ассирии, и ассирийскому царю пришлось вести непривычную войну на море. Во время усмирения этого мятежа Салманасар был коварно убит в своем военном лагере.

Престол перешел к Саргону II (722–705 гг. до Р.Х.), принявшему имя в честь Саргона Древнего, основателя Империи, правившего почти за 17 веков до этого. Он умиротворил внутренние раздоры, разбил внешних врагов и основал новую династию, которая правила Ассирией до конца ее истории. Чтобы все-таки освободиться от контроля олигархов, царь решил снова перенести столицу.

Саргон II назвал свою столицу Дур-Шаррукин в честь первого имени Саргона Древнего. В новом городе царь возвел дворец и храмы, мощные стены, по которым в ряд могли скакать, не задевая друг друга, семь колесниц. Его сын Синаххериб не стал достраивать новый город, но и не вернулся в Ашшур, он перенес царскую резиденцию в древнюю Ниневию. Город расширили, благоустроили и великолепно украсили: был построен новый дворец, спланированы широкие прямые улицы, разбиты парки с диковинными растениями, собранными со всех концов Империи, проведен акведук с чистой горной водой.

Синаххериб (705–681 гг. до Р.Х.) был бескомпромиссным противником олигархии и главой военной партии. После очередного мятежа вавилонян, позвавших на помощь халдеев и эламитов и погубивших царского наследника, царь наконец разрушил своенравный Вавилон. Он более не нуждался в легитимации собственных прав на имперскую корону со стороны олигархов. Уцелевшие вавилоняне были депортированы за пределы своей родины, статуя Мардука вывезена в Ашшур, город сожжен и разрушен, а обломки строений сброшены в Евфрат, русло которого специально изменили и пустили по бывшим кварталам и улицам. «Дабы в грядущие времена никто не мог найти даже место этого города, я залил его водой», – отмечается в одной из царских надписей.

После святотатственного убийства Синаххериба его мятежными сыновьями над Ассирией начали сгущаться тучи: с севера Евразии появились грозные скифы – «народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его – как открытый гроб; все они люди храбрые» (Иер 5:15–18). При их поддержке от Ассирии отложилась Мидия. Однако царь Ассархадон (681–669 гг. до Р.Х.) сумел обернуть возникший кризис в свою пользу. Он лично встретился с царем скифов и выдал за него замуж свою дочь, после чего, имея надежного союзника и крепкий тыл, завоевал Египет.

Древнем Востоке: сборник статей / отв. ред. Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина]. – Москва: Восточная литература, 2004. – С. 124–131.

[18] Якобсон В. А. Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии / В. Ф. Якобсон // Государство на Древнем Востоке: сборник статей / отв. ред. Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина]. – Москва: Восточная литература, 2004. – С. 124–131.

АШШУРБАНАПАЛ
(668–631 гг. до Р.Х.)

Ассархадон пошел на уступки олигархам, восстановил Вавилон и попытался передать престол своему сыну Шамашшумукину, рожденному вавилонянкой. Однако военно-служилая ассирийская знать решительно воспротивилась этому решению. Наследником был назначен другой сын царя – Ашшурбанапал, имевший чисто ассирийское происхождение. А для Шамашшумукина был предназначен престол Вавилонии на правах автономии.

Ашшурбанапал (668–631 гг. до Р.Х.) был настоящим интеллектуалом на троне. Он очень много читал, писал стихи и молитвы, редактировал летописи. В Ниневии он создал огромную библиотеку, куда собрал подавляющее большинство книжных богатств, накопленных в Междуречье за два тысячелетия, – без этой библиотеки мы не знали бы ни «Эпоса о Гильгамеше», ни многих других шедевров. Когда она была раскопана археологами в XIX веке, среди ее многочисленных текстов был обнаружен рассказ о библейском потопе. Эта находка тогда посрамила атеистов и скептиков, ставивших под сомнение историческую достоверность Библии.

Царь не был полководцем, но, занимая в молодости должность начальника разведки, показал себя выдающимся дипломатом и стратегом, умевшим выпутываться из тупиковых ситуаций. Однако даже его талантов оказалось недостаточно для того, чтобы спасти Ассирийскую Империю от гибели, – слишком много было у нее врагов: и египтяне, и отпавшие мидяне, и халдеи, и эламиты, и главный, внутренний, враг – олигархия, которая добилась мятежа Шамашшумукина. Несмотря на то что ассирийцы вновь одержали победу над Вавилоном, гражданская война двух братьев подорвала жизненные силы Империи. Огромная Ассирийская Империя объединяла множество стран и народов. Любое ослабление центральной власти приводило

к гражданским войнам, когда провинции, бывшие некогда независимыми государствами, поднимали бунт. Таким фатальным ослаблением стало разделение Империи между наследниками Ашшурбанапала. Против них немедленно начались восстания.

На фоне хаоса, сепаратизма и гражданской войны вождь кочевников-халдеев Набопаласcар захватил Вавилон и короновался в нем в 626 году до Р.Х. Он положил начало Нововавилонскому царству. Мидийский царь Киаксар, коварно перебив на пиру скифских вождей, также вмешался в ассирийскую смуту и в 614 году до Р.Х. разгромил и сжег Ашшур, а в 612 году – и Ниневию. Мидийский и вавилонский цари скрепили антиассирийский союз династическим браком своих детей. Царь Мидии не стал претендовать на общеимперское наследие и сохранил свою столицу в иранской Экбатане. Императорский титул остался у вавилонского царя Набопаласcара.

Нововавилонское царство объявило себя не только наследником Старовавилонского царства, завоеванного Ассирией, но и законным правопреемником самой Ассирийской Империи.

Вавилон VII–VI столетий до Р.Х. представлял собой настоящий мегаполис. Современников поражали грандиозность города и помпезное великолепие царских дворцов. Когда в одну часть города входила армия какого-нибудь завоевателя, в другой могли еще и не подозревать о том, что перед ним открыли ворота. В Ветхом Завете Вавилон не случайно стал символом развращенной роскоши.

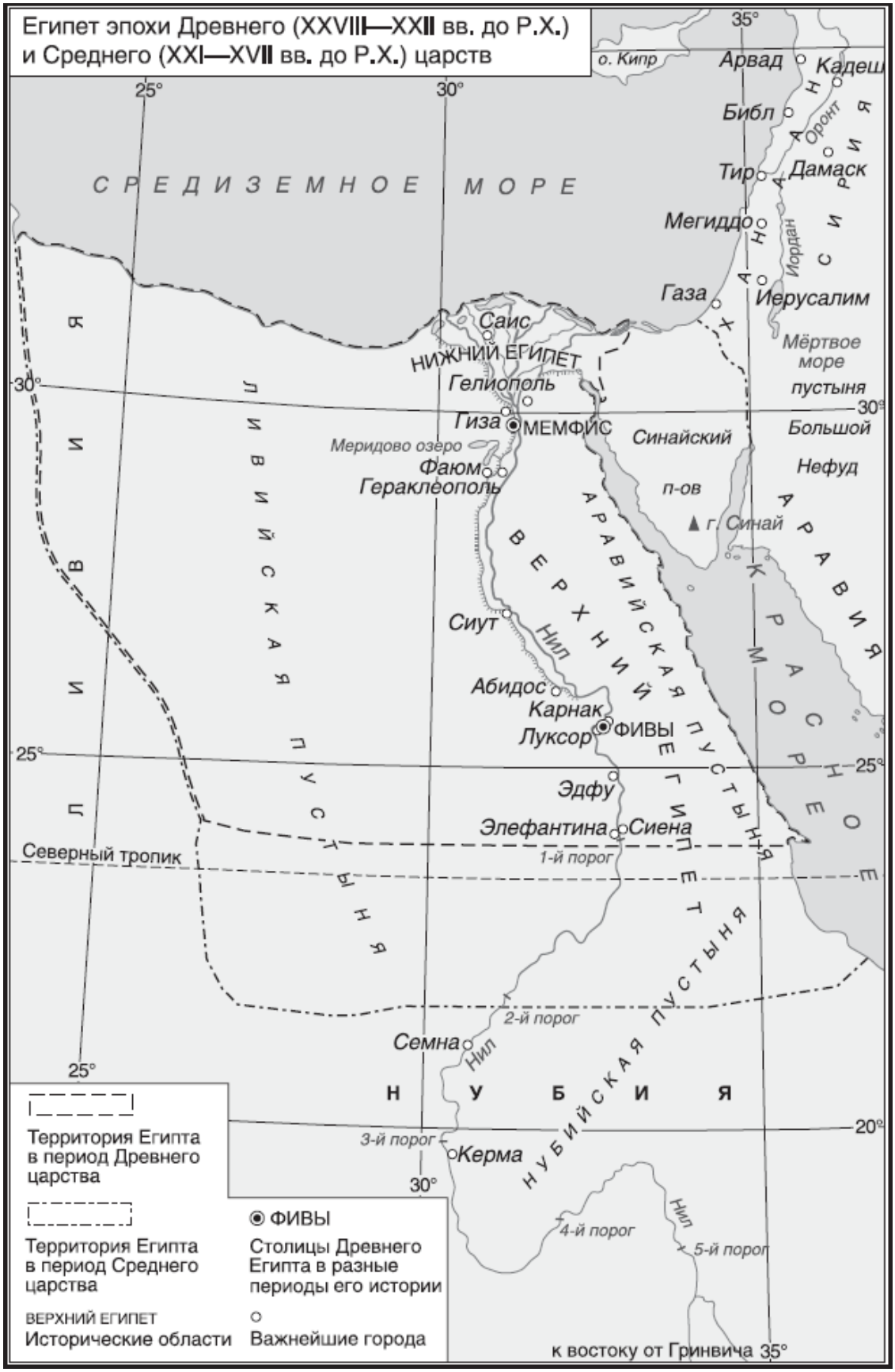
Нововавилонское царство могло бы поспорить богатством с Ассирией времен ее расцвета, но не обладало военно-политической прочностью своего предшественника. Те же силы, которые когда-то восставали против владычества Ассирии, теперь были недовольны собственными властями. Никогда ранее олигархия не была так сильна, как в халдейском Вавилоне.

Этому государству с самого начала были отмерены крайне ограниченные сроки жизни – всего 60 лет. По сути оно послужило лишь переходным этапом на пути Империи от Ассирии к Персии.

Древний Египет

На землях Месопотамии Империя, основанная Саргоном, развивалась и усложнялась, меняя на своем престоле династии, происходившие из разных народов. Древний Египет жил совершенно иначе. Чрезвычайно долго эта цивилизация была чужда имперской идее.

Как и в Месопотамии, история Древнего Египта начиналась с микрогосударств, которые с течением времени были объединены в единое монархическое государство с фараоном во главе. Слово «фараон» имело значение «большой дом» и использовалось для обозначения верховной власти – в этом же смысле мы сейчас говорим «Кремль» или «Белый дом».



Государство скреплялось не только военной силой и властью царя. В гораздо большей степени единство Египта обеспечивалось единством обычаев, культуры, быта, языка его

народа. Нил породил это единство – по всему течению великой реки люди в одно и то же время собирали урожай и вели ирригационные работы. Нил и его народ не менялись тысячелетиями.

Египтяне создали первое в истории человечества унитарное государство, которое уже к середине III тысячелетия до Р.Х. (эпоха Древнего царства) отличалось сильной централизацией. Но оно было неимперским по своей сути, так как имело моноэтничный характер.

Держава надолго застыла в границах, которые ей определила сама природа. «В Египте пустыня простирается, насколько хватает глаз: на востоке – высокие плато Аравии и Синая, на которых черные сланцы и пурпурные граниты прорезаны глубокими долинами, и вода в них появляется нерегулярно; на западе – тусклое плато Ливийской пустыни с ее дюнами и скалистыми пустошами… этот неприветливый ландшафт служил естественной защитой от набегов соседей, способствовал обособленности и самобытности цивилизации, ограждал от влияния извне и в то же время ограничивал ее влияние на соседние народы… Пространство Междуречья в центре Ближнего Востока было открыто со всех сторон, что способствовало как распространению благ его цивилизации… по всем направлениям, так и обогащению достижениями других народов»[19], – поясняет историк Г. Кругликова.

Характерной чертой египетского мировоззрения была крайняя ксенофобия по отношению к внешнему миру, воспринимавшемуся как часть пустынного пейзажа, где властвует свирепый и опасный владыка пустыни бог Сет. Одной из ключевых составляющих в египетской геополитической мысли был образ «девяти луков», который символизировал побежденных фараоном варваров. Девять луков изображались на сандалиях фараонов, и это означало, что властитель Египта попирает своих врагов. Таким образом, здесь ни в коем случае нельзя говорить о распространении власти Египта на другие народы, но только об изгнании чужеземцев. Если императоры Месопотамии называли себя «царями четырех сторон света», то египетские фараоны включали в свой титул формулу «изгоняющий девять луков».

Египетские фараоны совершали походы за пределы своих границ только ради военных трофеев. В стратегические планы военно-политической элиты Египта не входило завоевание новых земель и образование провинций на землях покоренных народов. Семитская Месопотамия привыкла учительствовать, хотя бы и с оружием в руках. А Египет – цивилизация-интроверт, замкнутая на себя. Лишь ненадолго она раздвинула свои пределы и открыла врата для культурного обмена.

Это произошло в период Нового царства. Имперская идея все-таки проникает в Египет. Границы государства фараонов раздвигаются далеко на юг (до пятого порога Нила) и одновременно далеко на север (до Северной Месопотамии и окраин Малой Азии). Под властью египтян оказываются иные народы, культуры, города, и они вынуждены выстраивать с новыми территориями довольно сложные отношения: где-то – жесткого подчинения, а где-то – неравноправного «партнерства».

Идею Империи египетской элите привила иная культура, возвысившаяся над культурой самого Египта. Это были «цари-пастухи», называемые гиксосами. Они представляли собой племенное объединение, ядро которого составляли семиты. Гиксосы захватили Египет после краха государственности Среднего царства около 1674 года до Р.Х.

«Цари-пастухи» принесли с собой в Египет колесницы и более сложный загнутый назад лук. Новые приемы ведения боевых действий, заимствованные у гиксосов, привели к усовершенствованию военной тактики самих египтян. Аккадский язык и аккадская клинопись, lingua franca Древнего мира, стали использоваться и в Египте.

Восстановив свой суверенитет после изгнания «царей-пастухов», Египет эпохи Нового царства уже не мог оставаться прежним. Полтора столетия правления семитов, когда-то жив-

[19] Кругликова Г. И. Генезис древних цивилизаций Месопотамии и Египта: общее и особенное / Г. И. Кругликова. – 2008. – № 10. – С. 131–175.

ших на окраине Вавилонской Империи, оставили неизгладимый след в менталитете древних египтян. Их государство перестало существовать в изоляции от остального мира. Стало понятно, что его независимость может быть оправдана только претензиями на собственную Империю.

Фараон Тутмос I (1504–1492 гг. до Р.Х.) совершил первые дальние походы, дойдя до «перевернутой воды» – Евфрата, текшего в сторону, противоположную Нилу. «Я установил границы „любимой страны" [Египта] до [тех пределов], которые окружает солнечный диск. Я сделал сильными пребывающих в страхе. Я отвратил зло от них. Я поставил Египет превыше всякой страны…»[20] – говорилось в одной из надписей фараона.

Его внук Тутмос III (1479–1425 гг. до Р.Х.) приобрел себе славу «египетского Наполеона». Только за первые 20 лет правления он совершил 16 походов в Сирию и Ханаан, разбил множество тамошних мелких царьков и победил покровительствовавшее антиегипетским силам государство Митанни. «Вся вселенная зажата в твоем кулаке», – воспевали Тутмоса III гимны, высеченные на стенах храмов.

ТУТМОС III
(1479–1425 гг. до Р.Х.)

Фигура Тутмоса III определила идеальный образ фараона времен расцвета египетской державы – могучий и отважный до безрассудства воин, лично возглавляющий свою армию, составленную из колесниц и пехотинцев. Такой фараон должен был быть прежде всего любимцем солдат. По своей эстетике и ценностям Египет Нового царства был военной монархией.

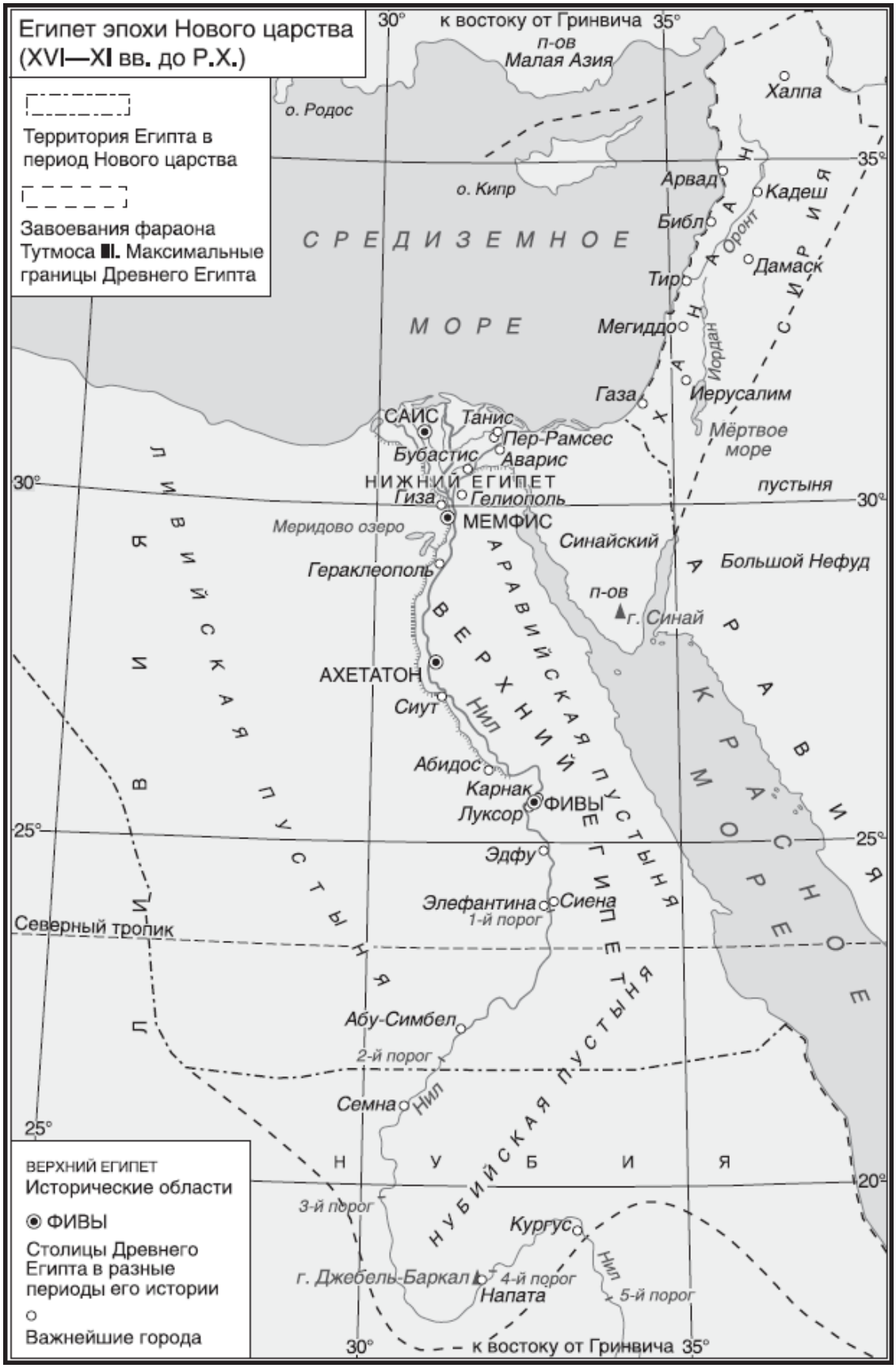
[20] Авдиев В. И. Военная история древнего Египта. Т. 1: Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI–XV вв. до н. э. – М.: Советская наука, 1948.

АМЕНХОТЕП III
(1388–1351 гг. до Р.Х.)

При фараоне Аменхотепе III (1388–1351 гг. до Р.Х.) имперская идея в Египте достигает зрелости. Царя начинают воспевать в гимнах как владыку четырех сторон света, хотя титула, подобного императорскому, у фараонов так и не появится:

«Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо свое к югу:
Сделал так, что окружили тебя вожди Куша поверженного,
Принеся все дары свои на спинах своих.
Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо свое к северу:
Сделал так, что страны до концов Азии пришли к тебе…
Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо свое к западу:
Дал тебе схватить Чехенну, нет им спасения!..
Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо к восходу солнечному…»[21]

[21] Мюррей М. А. Величие Древнего Египта / Маргарет Мюррей; пер. с английского Л. А. Игоревского. – Москва: Центрполиграф, 2009. – 318 с.: ил. – (Загадки Древнего Египта).



Однако держава, которую построили египтяне, значительно отличалась от эталона, заданного Империей Междуречья. Если Шумер, Аккад и Вавилония, а позднее Ассирия, стремились создать универсальное государство, на все части которого распространяются универсальный

порядок и царская справедливость, то Египетскую «империю» скорее можно назвать колониальной.

Завоеванные земли рассматривались прежде всего как источник дани и материальных благ. Сирия и Ханаан по-прежнему именовались как «мерзкая страна Речену», власть в которой была оставлена в руках местных правителей на условиях изъявления ими покорности и выплаты дани. Новые подданные отправляли в Египет в качестве заложников своих сыновей, но нет никаких свидетельств того, что египтяне пытались привить им свою культуру.

АМЕНХОТЕП IV
(1351–1334 гг. до Р.Х.)

Поиски универсальной идеологии, которая могла бы примирить фараонов с их новыми подданными, недавно еще считавшимися мерзкими варварами, привела к созданию культа солнечного диска, Атона, который одинаково оживотворяет все страны и народы. Однако взявшийся за реформу фараон Аменхотеп IV (1351–1334 гг. до Р.Х.), принявший имя Эхнатон (древнеег. «полезный Атону»), повел дело не в меру рьяно.

Эхнатон не только перенес столицу в новый город Ахетатон (древнеег. «горизонт Атона»), но и начал борьбу со старыми богами, которая в какой-то момент переросла в настоящую кампанию воинствующего атеизма – под страхом жестокой кары люди стирали иероглиф «бог» даже с обычной домашней утвари. Увлеченный реформой фараон забросил внешние дела державы, и сирийские владения Египта вскоре стали военной добычей хеттов.

Когда сторонники традиций восстановили разрушенные храмы, то прокляли само имя отступника и разрушили его столицу. Но возродить былую мощь египетской державы им уже

не удалось. Египет постепенно ослаб, хотя еще долгое время он будет подрывать стабильность Ассирийской и Персидской Империй, восставая против их власти.

Египетская держава Тутмоса III, Аменхотепа III и Эхнатона не имела цивилизационного наследника. Причина этого в том, что Египет так и остался по своей природе моноэтничным государством. Египтяне продолжали смотреть на окружающие народы глазами колонизаторов и воспринимать их как варваров. Империя же строится на признании культуры и обычаев всех населяющих ее народов.

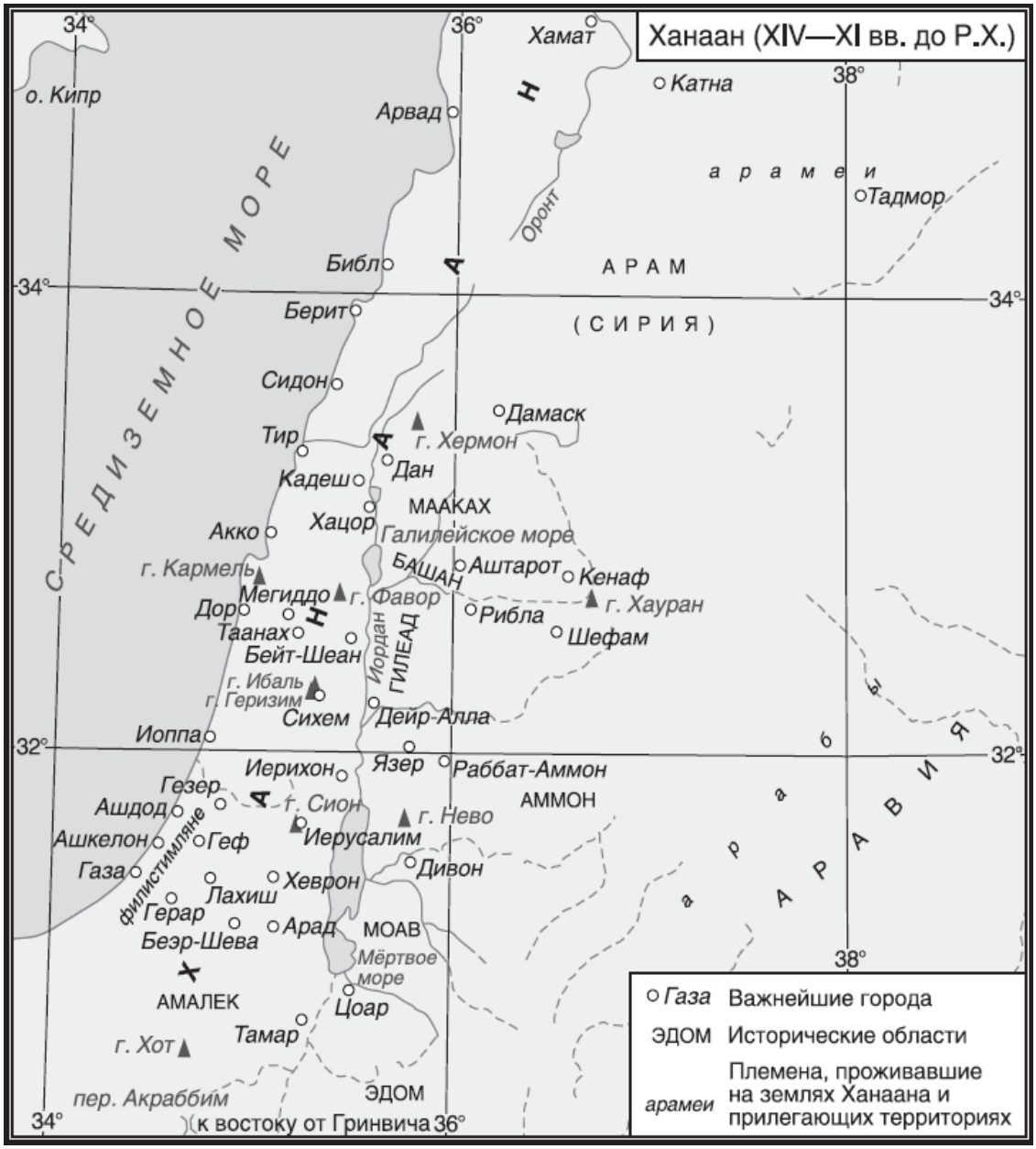
Враг Империи – Ханаан

Империя неразрывна связана с монархией. Монарх – носитель царственности. Царственность является божественным даром народу в лице правителя. Через царя народ получает небесное покровительство. Такой взгляд на природу царской власти оставался неизменным на протяжении всей жизни Империи – «сердце царево в руке Божией».

Однако идеальное государство, являющееся оплотом людей от греха, повреждается человеческим непослушанием. Наиболее богатые и влиятельные подданные царей стремятся превратить монархию в олигархию, чтобы не иметь над собой высшего нелицеприятного арбитра. Тогда никто не сможет защитить слабых от сильных, а бедных от богатых. Без справедливого отца-монарха государство быстро превращается в олигархию, а закон начинает служить богатым.

Первым, кто опорочил честь отца в послепотопной истории человечества, стал Хам. Не стоит удивляться, что олигархия расцвела и широко распространилась именно на земле его сына Ханаана. «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт 9:25). Единственным из всех сыновей Хама Ханаан был проклят потому, что именно его род в полной мере унаследовал все худшие черты, какие были в духовном облике Хама, и развил до предела. Это непочтение к власти отца, авторитету, монархии, глумливость, развращенность и бесстыдство, крайнее корыстолюбие.

Тысячелетиями Ханаан развивал свой дух и свою культуру в направлении, противоположном Божьим заповедям, и превратился в опаснейшего врага и для Империи, и для Церкви, а обучение «мерзостям ханаанским» каждый раз ввергало народ Божий в тяжелейшие грехи.



Ханааном мы называем земли вдоль восточного побережья Средиземного моря между Африкой и Малой Азией. Сегодня территории исторического Ханаана принадлежат Израилю, Ливану и Сирии. Это было пространство, зажатое между морем, горами и пустыней, изрезанное бесчисленными бухтами и изобилующее небольшими долинами, чрезвычайно плодородными, но неспособными прокормить большое количество сельского населения. Поэтому ханаанейцы сосредотачивались в городах, крупнейшими из которых были Тир, Сидон, Библ, Арвад, Берит (Бейрут), Угарит. Зачастую эти города были расположены на островах – так их труднее было взять с суши, но в то же время они оставались открытыми для торговли и перемещений по морю.

Здесь не было, как в Междуречье или Египте, условий для складывания больших государств – ни великих рек, ни больших полей, ни обширных пастбищ. Нельзя было создать экономику, которая оперировала бы миллионами тонн зерна и других ресурсов, необходимых для великой державы.

Вавилонские олигархи времен «падения нравов», наступивших после правления царя Хаммураппи, использовали города-порты Ханаана для торговли по Средиземному морю с

западными землями. Когда Вавилон был завоеван ассирийским царем Тукульти-Нинуртой в XIII веке до Р.Х., тирские партнеры вавилонских капиталистов отделились в самостоятельный «бизнес». Вавилония погрузилось в череду войн с новой Ассирийской Империей и утратила свою былую финансовую монополию. Торговля и капиталы стали перетекать в Ханаан. К XI веку его города становятся главными коммерческими центрами Древнего мира.

Ханаанейцы торговали всем. Местным ливанским кедром, из которого строились лучшие корабли, стеклом, слоновой костью, кипрской медью. С Кипра же вывозился опиум в кувшинчиках, напоминавших коробочки мака. Ханаанейцы были первыми в истории наркоторговцами. Однако настоящей золотой жилой оказался сок моллюсков Murex brandaris и Hexaplex trunculus. С помощью этого сока можно было окрашивать шерсть в редкие и благородные цвета пурпура. Из первого моллюска получался багряный цвет, из второго – ближе к фиолетовому. Пурпур считался цветом царственности, а у ханаанских торговцев можно было приобрести «царственность» по сходной цене. Страна стала ассоциироваться с этим доходным бизнесом, поэтому само название «Ханаан» стало на многих языках означать «пурпур», а греки пустили в оборот слово «Финикия» («страна пурпура»).

У берегов самого Ханаана необходимых моллюсков было мало. И тогда ханаанейцы начали распространять сеть своих коммерческих колоний все дальше и дальше на запад по Средиземному морю – на острова Греции, в Северную Африку, Испанию, вплоть до «столбов Мелькарта», как в честь главного божества города Тира, называли они Гибралтар. Если завоевать саму Финикию для сильных соседей было несложно, и ханаанейцы, как правило, сдавались сами, то поставить под контроль созданную ими торговую морскую корпорацию было нереально. Она не имела ни границ, ни строгой организации – только сеть факторий, добывавших краску и обрабатывавших ткани. Когда ханаанейцев теснили в одном месте, они перемещались в другое.

Передвигаясь по не знающему законов и границ морю, ханаанейцы освоили и другой, гораздо более рискованный и аморальный бизнес – работорговлю. До них единственными источниками рабства были попадание в плен на войне и долговая кабала. Ханаанейцы первыми придумали похищать людей и перевозить их на дальние расстояния для продажи. В памяти греков, которые чаще других подвергались таким налетам, работорговцы-ханаанейцы навсегда остались окруженными ореолом ненависти и презрения. «Финикиец, обманщик коварный, злой кознодей, от которого много людей пострадало»[22], – так характеризует их Одиссей у Гомера.

Ведущим центром бизнес-империи ханаанейцев был город Тир. Хорошо защищенный от нападений извне своим островным положением (его смог взять только Александр Македонский), Тир был самым богатым городом Ханаана. По своей роли в Древнем Мире он был аналогом Лондона времен Британской «империи» начала XX века. Именно этот город, основавший большинство финикийских колоний, стал опорным пунктом связи в контактах Ближнего Востока с дальним западом Средиземноморья и стоял у истоков ханаанской «антиимперии» с центром в Карфагене.

Тир то подчинялся власти владык Египта, Ассирии и Персии, то бунтовал и предавал их. При царе Хираме I Великом (969–936 гг. до Р.Х.), подчинившем Сидон и Библ, Тир пользовался авторитетом у самого царя Соломона. Иерусалимский Храм был построен тирским мастером Хирамом из тирских же материалов. Именно этого Хирама масоны считают своим родоначальником. Кроме того, Израиль при Соломоне был участником коммерческих предприятий Тира на Красном море.

[22] Гомер. Одиссея / Гомер; перевод В. Вересаева. – Москва: Гослитиздат, 1953. – 320 с.

После смерти царя Соломона еврейское царство разделилось на два: южное – Иудею со столицей в Иерусалиме и северное – Израиль (или Северный Израиль), который вскоре окончательно попал под влияние Ханаана.

В отличие от Тира, где царская власть просуществовала какое-то, пусть и недолгое, время, политический строй большинства городов Ханаана был олигархическим. Ханаанский город либо имел при себе марионеточного монарха, либо вовсе освобождался от единоличной, пусть и формальной, власти правителя. В середине II тысячелетия до Р.Х. египтяне с удивлением отмечают, сколь отлично государственное устройство ханаанских городов от их собственного. Кое-где еще есть цари, но, когда говорится о финикийском городе Арваде, то всегда упоминается только городская община – «люди Арвада». Последние выступают стороной, равноправной царям. Арвад, по всей видимости, был не царством, а олигархической республикой.

Подобно своему собрату и деловому партнеру – вавилонскому банкиру – ханаанский торговец легче шел в подчинение чужому далекому государю, нежели покорялся власти собственного царя. Олигархи предпочитали платить дань иноземным завоевателям, а не содержать свою армию. Коммерсанты боялись популярности в народе удачливых военачальников. Такой военачальник мог однажды стать полноправным царем. А монархия всегда была главной угрозой безнаказанности олигархов.

Главный герой Ханаана – торговец, коммерсант. На него работают ремесленники, его интересы обслуживаются корабелами, моряками, караванщиками, он дает деньги на храмы и крепостные стены. Для торговых дел ему нужны счет и письмо, именно поэтому вместо неспешных иероглифов и клинописи ханаанейцы впервые внедряют в широкое употребление торопливую азбуку, состоявшую только из согласных букв. Все это нужно для успешной коммерции.

Когда инвестиций одного купца не хватало для снаряжения целого торгового судна, ханаанейцы создавали «хубур» – коммерческое товарищество нескольких купцов, владевших одним кораблем. Затем хубуры стали владеть многими кораблями, складами и целыми колониями. Так появились юридические лица – общества, созданные с целью получения прибыли. Впервые в истории узаконивалось объединение людей не ради молитвы (храм), не ради безопасности (государство), а ради коммерции.

Ханаанские хубуры сотнями распространялись по всему Средиземноморью: строили склады, оборудовали порты, возводили верфи, но они редко искали крупные земельные приобретения. Чаще всего им хватало маленькой колонии, где образовывалась и функционировала торговая фактория. Она моментально включалась в сеть, раскинутую ханаанской торговой машиной на колоссальном пространстве Средиземноморья. Ханаан ставил во главу угла прибыль. Это было идеальное общество для инвестиций и бизнеса. Государство было подчинено бизнесу. Древний идеал для современных транснациональных корпораций.

Закономерно, что у авторов либерального направления именно Ханаан-Финикия выступает как идеал децентрализованного общества. Так, А. Талонов пишет: «Финикийцами предлагалась концепция децентрализованного общества, основанная на торговле, финансах, производстве без государственности и армий, в котором доблестью считалась удачная торговая операция, а не участие в военной авантюре… Финикийский культурно-исторический тип – уникальное явление в мировой истории… Ничем не стесненная экономика обеспечила весь мир разнообразными товарами с широким ценовым диапазоном. Несдерживаемая инициатива купцов позволила до предела расширить границы первоначальной ойкумены, вовлекая в нее ранее неизвестные племена и народы, встраивая их в длинные и сложные торговые цепочки»[23].

[23] Талонов А. В. Финикия. Концепция децентрализованного общества / А. В. Талонов // Вестник Российского Экономического Университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 4 (16). – С. 5–13.

Либеральные мыслители сожалеют, что «финикийская альтернатива» с ее торгашеским эгоизмом была отвергнута Греко-римской Империей: «Вся наша история – это история бесконечных войн за захват территорий, построения империй. Персоналии такой истории – императоры-завоеватели, поэты и философы, восхваляющие их или осуждающие. Финансист на века стал презираемой фигурой и не имел шанса быть допущенным в анналы истории… Концепция децентрализованного, построенного на врожденных эгоистических интересах человека, достигаемая обменом одного товара на другой… предложенная финикийцами, была отвергнута»[24], – продолжает А. Талонов.

Культ прибыли и человеческого эгоизма не был единственным из смертных грехов Ханаана. Там, где начинается поклонение материальному, жди чудовищных преступлений ради выгоды и разнузданного разврата плоти.

Языческую религию в древности исповедовали так или иначе все народы, за исключением избранного Богом народа Израиля. Однако далеко не каждый извод язычества побуждал своих адептов к человеческим жертвоприношениям и развратным оргиям, преступлениям против самих основ нравственного закона. Ни в Египте, ни в Месопотамии не встречается следов систематических человеческих жертвоприношений. Религия же Ханаана вобрала в себя все самое отвратительное, что имелось в языческом культе.

Оргиастические культы обычно справлялись в устроенных на высотах-бамот «священных» рощах-ашерах или у считавшихся одушевленными каменных столбов-маццебот. Русский богослов А. Олесницкий (1842–1907 гг.) в работе «Мегалитические памятники Святой Земли» рисует нелицеприятную картину того, что совершалось близ этих столбов: «У камня, как у живого и оживляющего начала, хананеяне, мужчины и женщины, искали жизненной плодотворной силы, у его подножия зачинали и рождали детей, заранее посвящавшихся в жертву тому же камню, когда он охладевал и мертвел (образ безжизненного зимнего солнца) и сам нуждался в согревании его живой человеческой кровью… Мегалитические центры, с одной стороны, были местом блудодеяний, прикрывавшихся культовыми целями, а с другой стороны – местом кровавых человеческих жертв»[25].

Раскопки посвященных Ваалу и Астарте (Бэлу и Иштар) святилищ и высот подтвердили библейские рассказы и обличения: были найдены многочисленные кувшины с детскими костями. Также подтвердились свидетельства о существовавшем у ханаанейцев ритуале «укрепления» нового дома замурованными костями убитого младенца. «В финикийско-пунической культуре… детские жертвоприношения, по-видимому, осуществлялись регулярно. Насколько нам известно, здесь приносили в жертву детей обоих полов и преимущественно в возрасте, когда они начинают ходить»[26], – отмечает австрийский исследователь Армин Ланге.

Сохранились тексты угаритских песнопений, обращенных к Баалу: ему торжественно обещали в жертву ребенка-первенца, если он отгонит от города могущественного соседнего правителя: «О Ваал, если ты прогонишь от наших ворот сильного врага, воина от наших стен, быка, Ваал, мы освятим, обет, Ваал, мы исполним, первенца, Ваал, мы освятим…»[27].

---

[24] Талонов А. В. Финикия. Концепция децентрализованного общества / А. В. Талонов // Вестник Российского Экономического Университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 4 (16). – С. 5–13.

[25] Олесницкий А. А. Мегалитические памятники Святой земли / А. А. Олесницкий. – Санкт-Петербург: Имп. Православ. Палест. о-во, 1895. – IV, 415 с.: ил. – (Православный Палестинский сборник; Т. 14, вып. 2).

[26] Lange A. «They Burn Their Sons and Daughters. That Was No Command of Mine» (Jer 7:31). Child Sacrifice in the Hebrew Bible and in the Deuteronomistic Jeremiah Redaction / Numen Book Series Studies in the History of Religions. VOL. 112. Human Sacrifice in Jewish and Christian Tradition. Leiden, Boston. 2007. (Рус. пер. по – URL: http://vadymzhuravlov.blogspot.com/2011/03/731.html).

[27] Lange A. «They Burn Their Sons and Daughters. That Was No Command of Mine» (Jer 7:31). Child Sacrifice in the Hebrew Bible and in the Deuteronomistic Jeremiah Redaction / Numen Book Series Studies in the History of Religions. VOL. 112. Human Sacrifice in Jewish and Christian Tradition. Leiden, Boston. 2007. (Рус. пер. по – URL: http://vadymzhuravlov.blogspot.com/2011/03/731.html).

Ханаанский ритуал детского жертвоприношения «в целях обороны» засвидетельствован на египетских военных барельефах храма в Карнаке. На них изображена группа сановников осажденного египтянами ханаанского города, устремивших руки и лица к небесам. Один из них держит сосуд для воскурения благовоний, а два других сбрасывают убитых детей со стены города. У одного из сбрасывающих в руке нож. Нужно, наверное, обладать особым цинизмом, чтобы утверждать, как делают некоторые современные авторы, что барельеф изображает, как взрослые спасают детей, спуская их со стен, чтобы они могли убежать. Очевидно, что нож в руке для такого спасения был бы совершенно не нужен.

Рассказ о том, как царь Моава отбивался от израильтян, полностью совпадает с данными египетских рельефов и табличек: «И увидел царь Моавитский, что битва одолевает его… и взял он сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознес его во всесожжение на стене» (4 Цар 3:26–27). Ветхий Завет свидетельствует о «ненавистных делах волхвований» и «нечестивых жертвоприношениях», совершавшихся в Ханаане, и о безжалостных убийствах детей, и о пожирании на жертвенных пирах человеческой плоти и крови (Прем 12:3–6).

Бог не случайно потребовал от пребывавшего в земле Ханаанской Авраама человеческой жертвы первенца, а затем отвел его руку и повелел не причинять Исааку никакого вреда. Тем самым Израилю было наглядно показано различие между верой в истинного Бога и демоническими суевериями его соседей-ханаанейцев.

В Вавилонии широко практиковалась храмовая проституция в честь богини Иштар, именно отсюда происходит выражение «блудница вавилонская». Однако в Ханаане женской проституцией дело не ограничивалось. Там при святилищах обитали, выполняя роль проституток, и мужчины, подвергшиеся оскоплению. Живший во II веке н. э. в Сирии древнегреческий писатель Лукиан Самосатский в своем произведении «О сирийской богине» оставил описание оргии, в которой вместе со жрецами принимали участие ханаанские муже-женщины:

«Каждый год многие оскопляют себя и становятся похожими на женщин… Они никогда не надевают мужской одежды, но носят женское платье и исполняют женские работы… в то время, как одни играют на флейтах и справляют оргии, на многих уже находит безумие, и, хотя пришли они сюда только как на зрелище, начинают делать следующее… юноша, которому надлежит совершить это, с громким криком сбрасывает свои одежды, выходит на середину и выхватывает меч; мечи эти постоянно находятся там, как я думаю, для этих целей. Оскопив себя мечом, юноша носится по всему городу, держа в руках то, что он отсек. И в какой бы дом он ни забросил это, оттуда он получает женские одежды и украшения»[28] *(пер. С. С. Лукьянова)*.

«Обилие непристойных фетишей, изображающих мужской половой орган – символ оплодотворяющей силы Ваала, – обнаруженных археологами в Финикии и доизраильских слоях Ханаана, очень ярко свидетельствует о грубо-чувственном характере народной религиозности»[29], – так характеризует религию Ханаана богослов игумен Арсений (Соколов).

Здесь эгоистические интересы человека выставлены напоказ в самой простой и грубой форме. Собственно, у финансистов – наследников Ханаана – эта символика сохранится. Все эти Вааловы фаллосы через несколько тысячелетий обретут в США, а затем и по всему миру, прямых «архитектурных наследников» в виде небоскребов. А роща-«ашер» под названием «Богемская роща» возле Сан-Франциско, Калифорния, и в наши дни ежегодно проводит оргиастические сборища современных ханаанейцев.

---

[28] Лукиан. Сочинения. В 2 т. / Лукиан Самосатский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – (Античная библиотека. Античная литература).

[29] Игумен Арсений (Соколов) / Религия хананеев / Игумен Арсений // ruskline.ru [сайт]. – 2011. – URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/09/22/religiya_hananeev (дата обращения 07.07.2021) – текст: электронный.

Церковь Бога Всевышнего

В эпоху расцвета III династии Ура, когда этот город был столицей Империи Шумера и Аккада, в нем родился Авраам, сын Фарры, ставший отцом всех верующих в Бога единого. В правление царя Шульги (2094–2047 гг. до Р.Х.), если следовать библейской хронологии, Фарра и Авраам, взяв с собой всех родственников и домочадцев, удалились из Ура и отправились на север в сирийский Харран – родовые земли амореев.

Языческие владыки Ура находились в этот период на пике своего могущества. Как свидетельствует Писание, Фарра и его дети тоже были язычниками: «за рекою жили отцы ваши издревле, Фарра, отец Авраама и отец Нахора, и служили иным богам. Но Я взял отца вашего Авраама из-за реки и водил его по всей земле Ханаанской» (Нав 24:2–3).

Однако даже поклоняясь «иным богам», Авраам, несомненно, обладал чутким религиозным сознанием и стремлением к истинной вере. Но то, что представало его глазам в столице, было обмирщением, забвением сакрального, профанацией религии. Царь Ура экспроприировал храмовые земли, которые таким образом из собственности божества перешли во владение человека. Сам Шульги был обожествлен и восхвалялся сверх всякой меры. Подлинное живое чувство власти, служащей воле Божией, сменилось, по словам И. Дьяконова, настоящим триумфом бюрократизма.

Тогда Авраам решил покинуть процветающую внешне, но уже обреченную на разгром амореями и эламитами, столицу Империи. Он предпочел пустыню, по пути в которую и услышал призыв Божий: «И сказал Господь Авраму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего (и иди) в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт 12:1–3).

Призвание Богом верующих из столицы в пустыню не раз повторится в истории уже Христианской Империи. Особенно чуткие в духовном отношении люди, удаляясь от обмирщения и ересей в пустыню, образовали монашество – чудесный народ, обладающий великой силой и спасающий Империю словом и молитвой. Способность людей следовать Божьему призыву, как некогда Авраам, всегда была надежнейшим индикатором духовного здоровья и Церкви, и Империи.

В случае же с Авраамом такое призвание было особенно важно, поскольку через него впавшее в языческий мрак человечество возвращалось к вере в истинного Бога. Символом этого стали чудесные события, происшедшие с Авраамом после битвы в долине Сиддим. Царь Элама, господствовавший над Междуречьем после разгрома Ура, отправился вместе со своими месопотамскими вассалами в поход на взбунтовавшихся царей Содома и Гоморры и разбил их. Среди угнанных в плен оказался и родич Авраама Лот. Тогда патриарх собрал своих слуг и в ночной атаке разгромил эламитов. Когда Авраам возвратился с победой, то отверг попытку царя Содомского, символизирующего падший мир, обогатить его: «даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама» (Быт 14:23).

Авраам принял благословение от царя Мелхиседека: «Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино – он был священник Бога Всевышнего – и благословил его, и сказал: Благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. Аврам дал ему десятую часть из всего» (Быт 14:18–20).

Священство Мелхиседека – это служение Богу среди мира, погружающегося в тьму языческой дикости. Потомки Ноя, предав забвению отеческие заветы, сначала утратили страх Божий, а затем впали в идолослужение, со временем приобретавшее все более мрачную

окраску. Тем важнее для нас свидетельство Библии о Мелхиседеке. Молитва и служба истинному Богу не прекращалась со времен Ноя до Авраама. Всегда был Первосвященник, отправлявший эту службу, призывавший благодать Божию на хлеб и вино и благословляющий верных Богу Единому.

Призванный истинным Богом, Авраам теперь получил помазание от истинного священства. Ему было суждено стать родоначальником Народа Божия. Однако это должен был быть не обычный народ: не случайно Господь образовал для Авраама потомство в утробе неплодной старухи Сарры. И не случайно, что Авраам получил повеление принести своего первенца в жертву Богу, и лишь в последний момент Исаак был спасен от смерти рукою ангела.

Эта несостоявшаяся жертва, помимо того, что навсегда отучила Израиль от следования ханаанским человеческим жертвоприношениям, символизировала, что самой своей жизнью народ Израиля принадлежит только Богу. Чудесно спасенный Исаак становился не столько сыном Авраама, сколько сыном Бога.

Взявшийся в сущности из ниоткуда народ Израиля должен был существовать по милости и воле Господа ради выполнения возложенной на него особой миссии – слышать слово Божие и научать ему остальных.

Эта миссия требовала абсолютной жертвенности и отречения от мирских забот: мелкой похоти и великой власти. Именно поэтому Господь вывел Авраама в пустыню из столицы тогдашней Империи, где среди политической суеты голос Божий не был бы расслышан. И именно поэтому род Авраама получил чудесное, противоречащее законам биологии происхождение: чтобы из него мог произойти чудесный народ – не племя, но Церковь. Таково было призвание Израиля.

Бог заключил с Авраамом и его потомством Завет (союз). Народ Израиля своим возникновением обязан именно Завету. Весь смысл его существования – в исполнении Завета. Материальным символом Ветхого Завета стало обрезание. Духовная же суть его – безраздельная преданность единому истинному Богу, упование на Него, служение Ему. Народ, несущий бремя Завета, должен очищать окружающий мир и готовить его к принятию всей полноты истины, которую принесет Христос. У Израиля, таким образом, есть миссия. Ради ее исполнения народ Израиля должен сражаться с язычниками и оберегать себя от всякого смешения с ними.

Бог назначил уделом Аврааму и его потомству землю Ханаана, указав тем самым, что народ-богоотступник должен быть заменен народом-Церковью, народом-богоносцем. Ханаанейцы поклонявшиеся Вельзевулу, князю бесовскому, ради своего стремления к богатству и похоти, должны были исчезнуть во тьме времен, уступив землю потомкам Сима во исполнение пророчества Ноя: «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт 9:25).

Борьба между Израилем, детьми Авраама, и ханаанейцами станет главным сюжетом мировой истории на все времена. Первый акт этой драмы разыграется между Израилем и Ханааном непосредственно на земле Ханаана.

Последующие будут разворачиваться в других частях света и в другие эпохи. Но суть борьбы останется та же – верные Богу против богоотступников.

Миссия Израиля

Вера в Бога Всевышнего, в Бога единственного, преданность и служение Ему – главная ценность, которую нес в себе народ Израиля, передавая ее из поколения в поколение. Особым предметом заботы была чистота веры в единого Бога, которую так трудно было сохранить в языческом окружении.

Потомки Авраама, Исаака и Иакова (названного Израилем) жили среди ханаанейцев. При Иосифе Прекрасном сыны Израиля, будучи частью коалиции «царей-пустухов» гиксосов, завоевали Египет. Столицей гиксосского Египта был город Аварис, открытый в наши дни австрийским археологом Битаком. Раскопки в Аварисе свидетельствуют, что материальная культура евреев и других гиксосов ничем не отличались друг от друга. Бытовая и обрядовая религиозность за время пребывания в Египте также могла стать общей.

Столь значительное отступление от веры предков объясняет, почему во времена Исхода народ Израиля, взбунтовавшись против Моисея, создал зримый символ Бога в виде тельца из литого золота. Такие статуи посвящались ханаанейцами Ваалу – языческому богу, изображавшемуся в образе могучего быка. Пророк Моисей уничтожил Золотого тельца, но традиция поклонения ему еще возродится позднее.

Израиль вторгся в Ханаан, имея повеление Божие полностью уничтожить проживавшие там нечестивые народы. Необходимо было создать очищенную от язычества страну, где истинная вера не подвергалась бы поруганию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.